

Александр Крыласов

раскодированная РОССИЯ

Александр Аркадьевич Крыласов

Раскодированная Россия

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6132464
Раскодированная Россия/Александр Крыласов: Москва;*

Аннотация

России не понравилось быть трезвой, и врач-нарколог был вынужден снять код. Апокалипсис не заставил себя ждать...

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	34
Глава 6	40
Глава 7	48
Глава 8	50
Глава 9	53
Глава 10	58
Глава 11	63
Глава 12	75
Глава 13	84
Глава 14	87
Часть вторая	89
Глава 1	89
Глава 2	97
Глава 3	102
Глава 4	106
Глава 5	110
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Александр Крыласов

Раскодированная Россия

Часть первая

*Когда алкоголик приходит домой, он бьёт жену,
когда наркоман приходит домой, жена бьёт его.
Народная мудрость.*

Глава 1

Ввалившись в квартиру и убедившись, что его никто не поджидает, Сева поставил варить кофе, включил телевизор, и стал смотреть новости. Шёл репортаж о положении дел в Зимбабве. Там явно не хватало стабильности в этом Зимбабве. Затем диктор плавно коснулся проблем Евросоюза и пожурил Польшу за несговорчивость в некоторых вопросах. А потом у обозревателя вытянулось лицо, и он замогильным голосом произнёс:

– Только что в студию принесли секретный список чиновников, которые хотели тайно раскодироваться перед Ноябрьскими праздниками...

Вдруг чья-то рука, ухватив диктора за волосы, поволок-

ла прочь от его законного места. Сева увидел пустой стул и услышал звуки нешуточной борьбы и приглушённый мат. Потом послышались крики:

– Да дайте же заставку, кретины.

Появилась заставка: ромашковое поле и по нему бегут мальчик и девочка, взявшись за руки. Через минуту вновь показали студию. Диктор всклокоченный, с разбитым носом и съехавшим на бок галстуком жадно пил воду. Отдышавшись, с болью в голосе произнёс:

– Уважаемые телезрители. Может быть, после этого эфира я останусь безработным. Может, я даже получу волчий билет, и всю оставшуюся жизнь мне придётся упражняться с метлой и лопатой. Но я не могу молчать. В моих руках список чиновников, которые на людях выступая за безоговорочную трезвость, втайне хотят раскодироваться и отметить Ноябрьские праздники со спиртным. В то время как мы будем пить ягодичные компоты, они станут лакать вискарь и текилу, лопать джин и ром, трескать водку и вино. При этом смеяться над нами и показывать пальцем. Сволочи, лицемеры, ханжи, двурушники, нувориши... У диктора не хватало слов. Он привык читать по бумажке, а тут суфлёра не было, да ещё кипящая ярость, распиравшая его, мешала подобрать нужные слова. Он судорожно вдохнул и огласил секретный список. Бог мой, какие люди в нём значились. Столпы общества: депутаты и священники, правозащитники и независимые журналисты, режиссёры и писатели. Сева и

так не питавший почтения к публичным людям, стремящимся играть роль совести нации, окончательно уверился в их фарисействе. Но даже у него по спине пробежал холодок от услышанных фамилий. Что же тогда творилось в душах людей понаивнее? Страшно представить. И не было никакого сомнения, что список подлинный и вся страна с замиранием сердца слышит с детства знакомые имена. Сева обречённо встал и пошёл выключать газ. Кофе безнадёжно убежал, залив всю плиту. Он знал, что этим всё закончится. С самого начала. Чувствовал, что наступит момент Апокалипсиса. И вот дождался. Вот он родной. Наступил. И Апокалипсис погребёт все благие начинания и жалкие попытки нарушить ход истории. Ибо народ может простить, что угодно, только не тайное бухалово. Раскодировку боярам не простят.

– А-а-а-а-а!!! – заблажил кто-то на улице, – сами водку жрать, а нам горбатить на вас! Твари!!! Опять провели, опять кинули! Мочи олигархов!!!

– Пора особняки жечь! Красного петуха им, падлам!

– Попили кровушку! Теперь наш черёд музыку заказывать!

– Богатеев к ногтю!!! А имущество поделить!

В дверь постучали. Громко и настойчиво. Сева открыл задвижку и сразу был оттеснён к стене ввалившейся толпой. Люди что-то кричали, размахивали руками и возмущались. А доктор, зная, что от него хотят, сел перед монитором и ту-по уставился на экран.

– Сева? Ты меня слышишь? – Ушанкин теребил Андреича за плечо, – сколько тебе нужно времени, чтобы сделать эту тряхомудию по раскодировке?

– Сутки, – с трудом зашевелил губами Сева.

– Вы слышали, черти, ему нужны сутки. А завтра мы нажрёмся! – радостно завопил Троекуров.

– Послезавтра, – просипел Сева.

– Что? – не понял народ.

– Нужно двадцать шесть часов, чтобы вся информация усвоилась, – уточнил Сева.

– А раньше никак? – насеял Ушанкин.

– Никак. Проверено.

– Ладно, – милостиво разрешил Витюша, – ты тут работай под присмотром, а мы разбираться поехали. Ух, душа горит. Щас мы этим топ менеджерам и чиновникам салазки-то загнём. Слезьми изолюбятся.

– Эт точно, – поддержал его Троекуров, – мы им сейчас устроим закат солнца вручную.

Глава 2

Сева клепал раскодировочную Программу, одним глазом поглядывая в телевизор. Там творились жуткие вещи: пылали богатые пригороды, в центре Москвы вышедший из повиновения народ крушил бутики и супермаркеты. Иностранцы спешно эвакуировались из России. Богатеи тоже. На членов списка устроили настоящую охоту. Все страны были извещены об экстрადиции попавшихся, любителях выпить. По первому каналу с упоением показывали кадры расплаты: вот провинившегося правозащитника везёт в тазу по брусчатке Красной площади его же «хаммер». Автомобиль то разгоняется, то притормаживает, а правозащитник, вцепившись мёртвой хваткой в таз, подпрыгивает и страшно кричит. Изпод таза летят искры. То ли защитнику прав человека просто страшно, то ли действительно припекает. Вот известного режиссёра поют водкой, того неудержимо рвёт, а добрые люди продолжают вливать в него вожаделенную водку. Вот на Лобном месте ставят кровать, кладут туда знаменитого писателя и мешок сухарей, накрывают с головой одеялом и заставляют все сухари сожрать. Вот перепуганный насмерть Козявкин на коленях выпрашивает прощения у народных масс. А те, болтая бутылки с шампанским, стреляют в него пробками и радостно гогочут. Козявкин пытается уворачиваться, но когда счёт пробок идёт на сотни, падает и замирает. Его

подхватывают, волокут к Лобному месту, кидают к писателю, туда же швыряют правозащитника, режиссёра и заливают спиртом прямо из бензовозов. Потом кто-то кидает спичку, и народные избранники горят, синим пламенем.

Всеволод, не в силах на это смотреть, пошёл и выключил телевизор.

– Включи сейчас же! – приказал один из смотрящих.

– Не буду, – категорически отказался Андреич.

– Будешь выступать – в твоей же ванной утопим, – пригрозил другой надсмотрщик.

– Будешь угрожать – сам раскодировкой занимайся, – отрезал Сева.

Мужики увяли. Через десять минут тишины им стало скучно. Один из них вызвался сгонять за продуктами, пока всё мародёры не растащили, а другой пристал к доктору с расспросами:

– Как думаешь, док, правильно богатеев мочат?

– Я противник насилия в любом виде.

– Но они же не правы. На фиг втихаря от народа раскодироваться? Знаешь пословицу: «если не заплатил – не беда, беда – если догнали». Если бы не попались, тогда одно, а если с поличным взяли, тогда совсем другое дело. Я прав?

– Да пошёл ты со своими пословицами. Вы не представляете, додики, что будет после раскодировки. Пока у вас нет ни малейшего влечения, одна жажда мести. Но стоит прижиться хоть капле дешёвой энергии, кричи караул. Всё на-

селение уйдёт в штопор. Пытаясь наверстать упущенное, все забухают так, что наступит конец света. В стране обладающей ядерным оружием, имеющей ядерные подводные лодки и военных любящих принять на грудь, бесконтрольное принятие спиртного грозит гибелью человечества. Моё мнение, что военных раскодировать ни в коем случае нельзя. Себе дороже. И вообще нужно составить список профессий, с которых нужно снимать код постепенно и под жёстким контролем. Иначе скоро встретимся в аду. Нужно срочно задействовать все наркологические кабинеты, диспансеры и больницы для решения назревших проблем. Ведь что такое, по сути, алкогольное заболевание? Невозможность остановиться. Больной не в силах контролировать свои алкоголизации. На Западе есть такое понятие Soshial drinking. То есть при принятии на работу, человек говорит, что он контролирует принятие спиртного, может поддержать компанию, участвовать в корпоративных вечеринках, «знает норму» как у нас говорят. Или честно заявляет, что у него проблемы со спиртным. Тогда ясное дело хорошая работа ему не светит. Поэтому дураков нет делать такие заявления. Но всегда есть возможность пройти лечение от алкогольной зависимости. И там это не считается чем-то постыдным и зазорным. В России же все шифруются как партизаны, а зря. Позвонить же можно? Тем более анонимно.

Если у вас дома запахло газом, что делает грамотный человек? Он сразу звонит 01 и перекладывает свои проблемы

на ГорГаз. Что делает неграмотный? Он сначала упорно проветривает кухню, в надежде, что всё само собой рассосётся. А потом берёт молоток и спички, твёрдыми шагами подходит к газовой плите... и полдома взлетает на воздух. Здесь та же самая проблема. Появилось, как говорят наркологи «дрембезжание», позвони, не откладывая в долгий ящик, проконсультируйся со специалистом, не решай проблему сам. Не надо. Что трудно на телефоне семь цифр набрать?

Набери **720-10-97**. Посмотри сайт **w.w.w. doktor – krylasov. ru** doktor через k Тебе помогут.

– Да туфта всё это лечение, – лениво выговорил конвоир.
– Слушай сюда, умник. Если я отпущу пульт, он упадёт. Не зависнет в воздухе, не полетит к потолку. Нет, он упадёт. Потому что есть закон всемирного тяготения. И есть препараты, которые, вступая в реакцию с алкоголем, дают ацетальдегид (метаболит спирта), вызывающий отрицательные ощущения.

CO_2 (углекислый газ)

$\text{C}_2\text{H}_5\text{OH} - \text{CHON}$

(спирт) (ацетальдегид)

H_2O (вода)

Вот этот ацетальдегид и даёт похмелье. Спирт сам по себе не токсичен. Токсичен ацетальдегид. Человек поддал водки, ему хорошо и забавно. А наутро ему плохо, это вредный ацетальдегид отравляет похмельной головушке жизнь. Бедолагу тошнит, голова трещит, слабость, потливость. Первый вариант: похмелиться и перевести ацетальдегид обратно в спирт. И опять всё замечательно и превосходно. На какое-то время. А потом скотина – ацетальдегид опять даёт о себе знать и как в России говорят: «похмелка та же пьянка». Второй вариант: ждать пока ацетальдегид полностью не распадётся. И вот бедняга бродит по квартире, пьёт жадно воду, прислоняется пылающим лбом к холодной плитке. Глядишь, к обеду отпустило. Это ацетальдегид распался. Так вот, у русских ацетальдегид в среднем распадается через 8 -10 часов. А у басков – 40 минут. А у кавказцев – 2 часа. А у чукчей, эскимосов, эвенков, алеутов – 16 суток. Поэтому законодательно запрещено продавать северным народам спиртное. Они за огненную воду всё отдадут. Хотя виноват в этом всего лишь недостаток ферментов. А у басков ни один случай алкоголизма не зафиксирован. Потому что у них ферментов много. Я все, конечно, упрощаю, научно популярно рассказываю, зато понятно. Понятно, вертухай?

– Понятно, только чего ты обзываешься?

– А чего ты ноги на стол закинул? Не дома. Продолжаю. Северным народам нужно быть очень осторожным со спирт-

ным. Сознательно урезать употребление спиртного, чтобы не приучить организм к дешёвой энергии. Потому что если подсадил на другую энергию тогда труба – запои неизбежны.

Другая проблема: экспериментаторы. А дай-ка я попробую, что будет? А будет одно и тоже: капля дешёвой энергии, попадая в организм, заводит процесс на уровне клетки. Организм переключается на дешёвую энергию, и получаем недельный запой, а может двухнедельный, а может даже и трёхмесячный. Это зависит, насколько у развязавшего хватает здоровья, денег и терпения окружающих. Теперь о лекарствах. Слушай и запоминай.

Пациенту вводятся препараты, которые, вступая в реакцию с алкоголем, дают уже нам знакомый ацетальдегид, только в концентрации в 5, 10, 20 раз больше, чем с самого крутого похмелья. Вот и всё. Вся наркология держится на этой реакции. Чтобы препарат, вступая в реакцию с алкоголем, давал ядовитый ацетальдегид. И никаких чудес. Как антибиотиков миллион. Суть одна и та же: плесень пожирает бактерии. Так и здесь: тетурам, дисульфирам, торпедо, эспераль, колме, фаргилен, налонг..., вступая в реакцию с алкоголем, дают токсичный ацетальдегид. А пациенты с упорством, достойным лучшего применения на этих препаратах пьют, сажая печень и почки. Да ещё бахвалятся, какие они крепкие, а все препараты «туфта и обманство». Только потом замечают, что похмелье стало более тяжёлым и выходить из запоев всё сложнее. Дурашки, от ацетальдегида ещё никто не уходил.

Вы пользуетесь сотовыми телефонами, торчите в Интернете, считаете себя умными, но так глупо и бездарно разбазариваете собственное здоровье. Ау, мужики, кроме вас на самом деле никто не страдает. Жена вас привела, но препарат вводят вам. Доктор честно вас предупредил и взял расписку. Но своим здоровьем в случае употребления алкоголя рискуете только вы.

Спрашиваю: «Зачем пробовал»?

Отвечает: «Я экспериментатор».

Спрашиваю: «Машина есть, экспериментатор»?

Отвечает: «Есть».

Говорю: «Залей в бензобак воды, экспериментатор. Может, поедет. И не надо на бензин тратиться. И не надо в очереди на бензоколонке стоять».

Отвечает: «Я не дурак машину гробить».

Говорю: «Нет, ты очень умный. Машину тебе жалко, а себя нет. Машина, тьфу, железка какая-то. А ты свою печень, свои почки и другие собственные органы под монастырь подводишь. Заметь, находясь в ясном уме и твёрдой памяти».

Пыхтит, экспериментатор, думает. Потом выдаёт: «Да что же мне раньше никто этого не говорил»?

Отвечаю: «Говорили тысячу раз. Предупреждали тебя, дурака, не экспериментируй со своим здоровьем, не торопись на тот свет».

Сзади слышался храп. Сева оглянулся и увидел спящего охранника.

«Караул устал», – тоскливо подумал доктор, – «я пытаюсь объяснить дальтоникам, чем различаются цвета. Это бесполезно. Они выслушают, и всё равно сделают по-своему. Единственная радость – надолго всех не хватит. Население сразу возьмёт такой разбег, что быстро устанет и на коленях приползёт с просьбой о новом лечении. Им только кажется, что они будут квасить месяц, большинство уже на третий день запросит о пощаде. Мы все обещаем больше, чем можем. Если за три недели планета Земля не взлетит на воздух, можно считать что угроза мирового дебоша миновала».

Наутро квартирка Севы была переполнена. Журналисты, возбуждённые чередой ярких событий, пролетарии вдоволь натешившиеся разгоном богачей, младшие менеджеры довольные тем, что не стало старших, бездомные крестьяне из отдалённых деревень, прикидывающие в каких освободившихся хоромах им лучше поселиться. Вся эта братия торжественно из рук в руки передавала заветный диск и предвкушала первые глотки живительной влаги. Диск проплыл над головами и исчез где-то в коридоре. Затем он проследует в Останкино, чтобы через час явить себя народу во всей красе. Он будет очень внимательно просмотрен. Чем занять себя оставшиеся 26 часов также вопросов не вызывает. Бей и круши, жги и ломай, грабь и мародёрствуй. Ну и конечно занимай освободившуюся жилплощадь, пока это не сделал кто-нибудь другой. Толпа вывалилась на лестничную клетку с криками и хохотом. Их путь лежал в сторону оставшихся

особняков и офисов, а Сева лёг на диван и отвернулся к стене. Всё что мог, он уже сделал.

Глава 3

Сева проснулся от звона бьющегося стекла. Осторожно выглянул в окно и увидел Ушанкина и Троекурова, метаящих камни в стёкла. Два брата – акробата пьяные в стельку проверяли на прочность новые пластиковые пакеты.

– Что ж вы делаете, сволочи?! – истошно заорала какая-то тётка.

– Молчи, корова, – пошатываясь, отрезал Троекуров, – я свои окна на прочность проверяю. Мне фирма год гарантии давала.

– Да ты же по чужим попадаешь, ирод! – разорялась соседка.

– Што я шнайпер что ли? – усмехнулся Серафим, – но всё равно Витюха мне в подмётки не годится. Меткий глаз, косые руки.

– Да я тебе сто очков вперёд дам, – возмутился Ушанкин и тщательно прицелился.

Бэмц и камень угодил в окно Игоряхи. Через три секунды Игорёк в семейных трусах, майке и шлёпанцах вылетел из подъезда. Схватив двух нарушителей спокойствия как шkodливых котов за шкурку и приподняв их над землёй, внушительно спросил:

– Ну, что с этими гадами сделать?

– В мусорный бак их! – заорали разъярённые соседи, –

отмутузить до полусмерти!

– Что же вы натворили, аспиды? Вам же в этом доме жить, – прошепелявила бабулька из соседнего подъезда.

– А вот это выкуси, старая, – болтающийся в воздухе Трокуров смастерил из пальцев синюю фигу, – мы с Витюхой в особняк переезжаем на 5-ой Парковой, где раньше банкир гужевался. Теперя всё нашенское.

– Да? – Игоряха задумался, и два престарелых хулигана шлёпнулись на землю, – а я могу туда с вами въехать?

– Конечно, – щедро разрешил Витюха, – но если у тебя окна целые могут не пустить. Скажут: «пока у себя поживёшь». А ко мне придут, увидят, что все окна раскоканы и милости просю в новые хоромы.

Игорек, недолго думая, схватил самый большой бульник и запустил в своё окно. «Началось» – подумал Сева и, пригibasывая голову, метнулся на выход. Картина, представшая перед ним, поражала размахом, роскошью и убожеством одновременно. Вся песочница была утыкана дорогушими бутылками и деликатесами. «Вдова Клико» соседствовала с осетриной, «Хеннеси» с килькой в томате. Серое ноябрьское утро с дымчатым, низким небом и грязной жижей под ногами озарялось светом свободы, равенства и братства. Бутылки с холёными этикетками катались под ногами, а французские сыры безропотно валялись в лужах, вопия о старых добрых временах.

– О, Андреич! Спаситель наш! – заорал незнакомый мужик с окладистой серой бородкой, сидящий на качелях, –

предлагаю выпить за твоё здоровье. За то, что ты освободил нас от кровопийц и рабовладельцев. За то, что нарушил естественный ход вещей, когда сильный и богатый давит слабого и бедного. Ещё вчера хозяин вытирал об меня ноги, а я боялся лишний раз пикнуть, чтобы не оказаться на улице. А тут раз и квас: кто был никем, тот стал всем. Такое было только в семнадцатом году: хозяева медицинских холдингов и банков, издательств и риэлтерских компаний драпают в одних подштанниках за кордон, а мы как та кухарка будем управлять государством. Хорошо.

Сева благоразумно промолчал, тихой сапой двигаясь к парку. Не тут-то было. Два коренастых мужика в чёрных полупальто, удивительно напоминающие революционных матросов, преградили ему путь. Если бы на их головах красовались бескозырки, то Андреич ощутил бы себя Керенским, выбирающимся из красного ада.

– Куда это ты намылился? – нахмурился один из «революционных матросов».

– Не уважаешь нас? Так и скажи, – закипятился второй.

– Да я, нет. Я просто, – смалодушничал Сева, – я по делам.

– А какие у тебя теперь дела? – возмутился мужик на качелях, – может, ты опять всех закодировать хочешь? А?

– Да нет, я, – вздрогнул Сева, – я прогуляться хотел.

– Успеешь погулять, а пока давай выпьем за новообретённую свободу. Или ты не хочешь с нами выпить, а доктор Крылов?

Доктор понял, что кочевряжиться не стоит.

– Ну, чего тебе налить? Коньяку или текилы? А, может, абсента?

– Чего не жалко, – откашлялся Сева.

– Не-е-ет. Мы нальём тебе водки. Мы нальём тебе много водки. стакан, – потребовал незнакомец.

Ему протянули гранёный стакан.

– Сколько лить? – спросил один полуматрос.

– Краёв не видишь? – предсказуемо пошутил другой, – ну-ка посмотрим, осилит он «губастого»?

Сева взял гранёный стакан, налитый до краёв, и тяжёлыми глотками добил его до дна. Поднял из грязи запаянный кусок осетрины, разорвал упаковку и впился зубами в деликатес. Что-то подсказывало ему, голод уже не за горами. Ударная доза спиртного мягко жახнула в затылок и растеклась теплом по пищеводу. Алкоголь множеством сперматозоидов проник в яйцеклетку страха и Сева обрёл смелость, решительность и необходимую широту взглядов. Закинув ногу за ногу и облокотившись о детский грибочек, спросил:

– Чувачок, ты сам-то откуда? Что-то я тебя здесь раньше не видел?

– Ещё увидишь, – недобро пообещал мужик.

– Не-е-ет, ты представься, – стал настаивать Сева, – кто такой? Откуда? Что тут раскомандовался?

Мужик, не ожидавший такого напора, смешался. Сева, что не говори, пока ещё оставался героем дня, и загасить его

было делом опасным и недальновидным. Поэтому дядечка сделал попытку помириться.

– Да, ладно, доктор, не гундось. Ты, что богатых любишь?

– Не очень. Но и Швондеры мне поперёк горла. Как тебя звать-то, прекрасный незнакомец?

– Зови товарищ Серый.

– И тебе нравится такая кличка «Серый»?

– Я не «Серый», я – «товарищ Серый».

– А, тогда извини. Это в корне меняет дело. И чего же ты хочешь, товарищ Серый?

– Дать нашему народу свободу.

– Ну, судя по окружающему пейзажу, свобода у него уже есть.

Как раз мимо прошлёпали две бабищи в норковых шубах на два размера меньше, катящие тачку, набитую продуктами и всяким барахлом. Судя по вешалкам, вещи были из близлежащего бутика, а жратва из разгромленного супермаркета. Следом семенила старушка, которая всё время поднимала падающие вещи из переполненной тачки. Она водружала их обратно, приговаривая:

– Кто рано встаёт, тому Бог даёт.

– Кто поздно встаёт, тому Бог уже подал, – прокомментировал Крылов.

– Я хочу изменить мир в лучшую сторону, – сформулировал новый большевик.

– Если ты по-прежнему хочешь изменить мир, меняй таб-

летки – эти тебе уже не помогают, – усмехнулся Сева, – где ты до революции-то вкалывал, мил человек?

– Какая тебе разница?

– Огромная. Если ты был экономистом – это одно, а если сантехником, извини, другое.

– Я был грузчиком в супермаркете. И что?

– А то, что задавленные годами амбиции при отсутствии специальных знаний и стремление к власти любой ценой ведут к разрухе, голоду и хаосу как было после твоего любимого семнадцатого года.

– Значит, ты не веришь, что кухарка может управлять государством?

– Почему? Верю. У нас семьдесят лет они только этим и занимались. И вот когда всё стало налаживаться – снова – здорово: Шариковы бьют стёкла, Швондеры рвутся к власти, а кухарка вытирает руки о фартук, готовясь рулить страной.

– Какой ты стал борзый, – нехорошо оскалился один из полу матросов.

– Не надо было наливать, – поднялся Сева и зацепил бутылку поувесистей, – пока из меня хмель не выйдет, со мной лучше не связываться.

– Сидеть! – приказал товарищ Серый.

– Пошёл ты, – пробурчал Сева, – вот такие как ты и вводят ночные расстрелы под звук работающих моторов.

– А-а-а-а! – завопили «ворошиловские стрелки» после особенного меткого броска. Но никто уже не возмущался,

все собирались переезжать в новый особняк.

Глава 4

Сева пошёл по разгромленной Москве. Отовсюду слышались гневные выкрики:

- Они думали, что самые хитрые!
- Сами будут кирять, а мы на них ишачь!? Не на тех напали. Ищите дураков в стране Буратино. Сами теперь насекомьте.

- На фонарях надо их вешать, кровопийц, на фонарях. Попили нашей кровушки, сволочи. Теперь отольются кошке мышьины слёзы.

Или уже более жизнеутверждающее:

- Юр, ты энтот пинжак поверх надевай, поверх.
- Да на мне уже четыре их, не лезет.
- Надевай, говорю. Вон, смотри на бирке что прописано: 2 тысячи евро. Ты столько и за год не приносил.
- Куда, курва, потащила. Вертай сапоги.
- Щупала убрала, zenки выцарапаю. Мои сапоги.
- Да они ж тебе малы, кобыла.
- Не твоя забота. Крути педали, пока не дали.
- Гребь ушами камыши, гвоздь беременный.
- Сам лысый пряник.

Сева обратил внимание, что в его руке бутылка текилы. Он сделал внушительный глоток. Смотреть на окружающий мир стало легче.

В соседнем дворе гуляли два братка. Поперёк дороги была натянута верёвка, и кто, перелезая через неё, задевал, тут же доставлялся шестёрками под залитые очи двух бригадиров.

– Куда идёшь, служивый? – спрашивал один из них с пербитым носом у паренька лет пятнадцати.

– Домой, – робко тянул юноша.

– Неправильный ответ, – вступал другой брателло, рыхлый с отвисшим пузом, пьяный в зюзю.

– Почему на тебе штаны камуфляжные? – наседал первый гангстер.

– Модно, – пищал паренёк.

– Неправильный ответ, – подал голос второй.

– Эти штаны может носить только военный. Усвоил, доходяга?

– Усвоил.

– Неправильный ответ, – у второго братка видно что-то заело.

– Ладно, присаживайся, угощайся, – щедро повёл рукой первый бандит, – зови меня братом. И я буду звать тебя братом. Как зовут тебя, брат?

– Петей.

– Петрухой, значит. А меня Емелей. А его, – он толкнул задремавшего соседа, – Кочаном.

Кочан, потеряв равновесие, опрокинулся на спину прямо в большую снежную лужу и сразу же захрапел. Теперь компания напоминала три весёлых гуся: Емеля любил весь свет

и лез обниматься с Петрухой, Петяша ненавязчиво пытался избежать бурных ласк, а Кочан дрых, закинув ноги к бесприютным небесам. Андреич опять приложился к бутылке. Рядом в скверике носились неуёмные футболисты. О степени их опьянения говорило то, что одна команда бегала в майках и семейных трусах, а другая и вовсе без маек. Команды нетрезво месили снежную грязь и были заляпаны от головы до пят. Вместо ворот лежали кучи верхней одежды, второпях сброшенные нетерпеливыми спортсменами. На одной из куч тяжёлым пьяным сном ворочался вратарь. Его собрат пока держался, но видно было, что из последних сил. Игроки, казалось, нимало не огорчались выбывшим бойцам, ведь каждый забитый гол тут же отмечался двумя командами. Одна чокалась коньяком с радости, другая глушила водку с горя. Судя по нетрезвым финтам и пасам, второй тайм не предполагался. Сева отпил кактусовой водки и отсалютовал бутылкой членистоногим футболистам. На следующем повороте толпа пыталась перевернуть трамвай. Вагоновожатая бегала вокруг и верещала так, что закладывало уши. То ли устав от её криков, то ли не справившись с таким весом, погромщики решили выместить зло на автомобилях. Парочку перевернули, парочку подожгли, остальным просто выбили стёкла и нацарапали нецензурные выражения в адрес автомобилистов. Под вой сирен, и вопли разгневанных авто владельцев пошли стенка на стенку. Ясное дело, мужиков, предпочитающих общественный транспорт, было больше, и бывшие

владельцы железных коней откатились к разгромленному супермаркету зализывать раны. Ну, и помянуть свои машины. Разгорячённые победой пешеходы также навестили магазин, эти уже с целью отметить свою викторию. Вспыхнувшая снова драка быстро угасла, когда выяснилось, что спиртное всё растащили. Мгновенно было принято решение остановить автобус и ехать в ближайший гастроном за бухлом. Сдружившиеся противники перегородили дорогу своими помятыми в драке телами, остановили автобус и, наваяв по ушам водиле, тронулись за «горючим». Сева махнул ещё. Город напоминал разворошённый улей, взятие Рима варварами и завод дегустационных вин одновременно. Из супермаркетов и универсамов тащили всё, что можно было съесть и выпить. Из бутиков и магазинов одежды – всё, что можно одеть. Из магазинов электроники волокли просто всё, вырывая с мясом со стоек и витрин демонстрационные образцы. Вчерашние каменщики и уборщицы, пекари и крановщицы, все кто обеспечивает жизнь большого города, но не виден, потому что горбатит от темна до темна, вылезли на свет божий. И заявили свои права на «имущество». Неожиданно выяснилось, что у них бульдожья хватка, зычный голос и стальные мускулы. Именно они громили магазины и занимали особняки, свирепо отбиваясь от других любителей делить чужое добро. Менее решительная часть мародёров просто упивалась дармовой выпивкой. Севе всё чаще попадались спящие прямо в грязи и снегу люди. Случались участки земли, сплошь усе-

янные телами в причудливых позах, как будто зелёный Змей Горыныч пронёсся смерчем над городом, положив тысячи людей. Всюду раздавались крики ограбленных и избитых. «А ведь это всё я натворил», – гнусным припевом крутилось в Севиной голове. Крылов шёл напролом, среди дерущихся и пьяных, задевая плечами прохожих, ожидая, что кто-нибудь на него кинется, и свет навсегда погаснет для Иуды нарколога. Странно, но исходящая от него обречённость отталкивала самых агрессивных отмороzków. Бутылка потихоньку мелела, а смерти всё не было. Всеволод вышел по Никольской улице на Красную площадь. И первое, что он увидел – это двух гоблинов, отливающих друг на друга. Они пьяно гоготали и пытались увернуться от журчащих струй. Это было дно. Ниже которого просто невозможно опуститься. Мочиться на Красной площади – куда уж дальше.

«Всё, пора уруливать», – устало подумал Сева, – «валить и как можно скорее. Пока ещё есть возможность. Пока неугомонные товарищи Серые не замастырили железный занавес и не ввели декретом ночные расстрелы. Пока страну не превратили в один большой концлагерь и сосед не начал стучать на соседа, чтобы оттяпать лишние шесть аршин. Никогда ничего хорошего в этой стране не будет. Сева столько раз слышал эту фразу от других людей, а сейчас и сам подумал слово в слово. Говорили так, правда, люди бесполезные, в своей-то стране не умеющие устроиться, не говоря о том, чтобы двигать за кордон. Говорили, чтобы придать себе веса

и загадочности. Мол, здесь я на черновик живу, а там буду сразу на чистовик. Никуда они, конечно, не уезжали, только портили воздух. Тот, кто уезжал, не разглагольствовал, а учил язык и готовился к лишениям. А, в самом деле, что мне здесь делать? Гиблый климат, озлобленный народ, зажавшиеся куркули – богатеи. Всякая шантрапа, едва разбогатеет, мигом теряет всё человеческое и начинает изображать из себя небожителей в девятом поколении. Как будто они не ходили вместе со всеми в школу и учились по совершенно другим букварям. Стоит им чуть подняться, как их работники мигом превращаются в бессловесное стадо, которым не надо платить деньги, а нужно всячески доказывать, что они чуждое быдло и их место у параша. И работнички тоже хороши, стоит власти чуть пошатнуться, как из всех щелей лезут затюканные чмо, желающие пустить кровавую юшку своим работодателям. Природная славянская анархия начинает гулять по венам, требуя крови, разбоя и грабежа. Если капитализм, то со звериным оскалом; если коммунизм, то с вурдачьиим мурлом. Беспорядочное воровство сменяется красным террором, а тот, в свою очередь – неприкрытым грабежом. И всё это под беспробудное пьянство, и дрянь, бесконечно летящую с серого, низкого неба. И сыплется ведь не снег и не дождь, а именно, что осадки. И нет солнца. Бесконечно долго нет солнца. Говорят, Александр 1 сказал своему итальянскому коллеге, мол, везёт вам, батенька, легко править народом, когда в стране 330 дней в году светит солнце.

А попробуйте в России порулить? То-то. Не хрен тут больше делать. Ноги в руки и гуд бай. Земля большая...»

Размышления прервал какой-то пьяненький дедок, пристально рассматривающий Севины ботинки.

– Сынок, а иде ты такие чоботы надыбал?

– Иде, иде? Купил.

– А иде?

– В Караганде.

– Вот народ колготной пошёл. Его спрашиваешь как человека, а он кобенится, гонор показывает. Надысь такому же неслуху в нюх насовали и обувь сняли, а не груби старшим.

– Дедушка, делить шкуру не убитого медведя лучше не при нём. Безопасней.

Дедок завис, пытаясь прикинуть, что к чему.

– Милок, не понял, а причём здесь ведмедь?

– А ни при чём. Просто к слову пришлось. А вот ещё прибаутка: ходил мужик на медведя с голыми руками, а вернулся без.

Старче восхищённо покрутил головой и пошёл себе дальше. А Севины мысли приняли противоположное направление: «Где, в какой стране мира он сможет так легко и изящно отшить собеседника? Нигде. Где, в каком краю он будет понимать малейшие нюансы языка: сленг и ругательства, падежи и ударения? Нигде. Он будет, кашляя и переминаясь с ноги на ногу, потея и смущаясь перебирать в уме артикли и спряжения, существительные и глаголы, чтобы в муках ро-

дить куцую фразу на неродном языке. И, даже выучив язык, он всегда там будет только гостем и чужаком. И всегда на него будут смотреть искоса или исподлобья, а он будет натянуто улыбаться, пытаясь прикинуться своим. Тьфу ты. Тьфу, три раза. И чем старше он станет, тем сильнее его потянет на Родину, может и дурную, зато свою». И на ходу родился стих:

Я орденами не отмечен,
Ладью, дружина, мне, ладью.
Был знаменит, но не замечен —
На мыло вашего судью.

Прощай, уйду без поцелуя,
На водку слабый мой народ,
А ты, резвяся и балуя,
Швырнёшь мне камень в огород.

Проколулавшийся в грязи я,
Пытаюсь вздёрнуться с колен.
Прощай, помытая Россия
В кровавой бане перемен.

Я отскочу, горох от стенки
Поближе к морю и любви,
А вы мочите люд в застенках
И стройте Храмы на Крови.

Интеллигенция – по норам!
И воронки шуршат в ночи,
Когда на смену добрым ворам
Приходят злые палачи.

Но вот растаял свист секиры
И можно вылезть из норы,
Когда на смену конвоирам
Приходят новые воры.

Как ваша жадность суетлива
И как бессмысленна она
И как приветливость соплива
Пока достаточно вина.

Вокруг опять тоска и слякоть,
Да вонь от перекисших щей,
А я пойду вгрызаться в мякоть
Заморских фруктов, овощей.

А вы глядите глазом мутным,
Глядите, открывая рот,
Как я свалю под звуки лютни
Из этих северных широт.

Уйду вихляющей походкой,
В карманах кукиши держа.
А вы тут хоть залейтесь водкой
И ждите смерти от ножа.

Своим заплатанным кафтаном
Я раздражаю ваш устав.
Из горла хлынет кровь фонтаном,
По жилам прятаться устав.

И я скажу всей этой сборной,
И мне не нужно слов искать,
Что ваше место не в уборной —
Вас и туда нельзя впускать.

Я буду, счастлив, отвечаю,
Пока во всём не разберусь.
Потом, конечно, заскучаю
И обязательно вернусь.

В страну, где предки на погосте,
В страну родного языка.
Где мы кровинки, а не гости,
Во всяком случае, пока.

Глава 5

Быстро темнело. Андреич шёл, бормоча себе под нос рифмы по какой-то незнакомой улице. Интересно, куда же он забрёл?

– А ну стоять, терпила.

Сева сделал вид, что эти слова относятся не к нему. Почему-то не подействовало.

– Быстро подошёл, падла. Кому говорю?

Андреич закрутил головой, как бы ища, к кому относится данная просьба. Никого не нашёл и осторожно сделал шаг назад. Хмель безнадёжно выветрился из его головы и Сева утратил храбрость вместе с невероятной широтой взглядов, зато получил реальный шанс выжить. Даже неизвестно, что лучше.

– Да не бойся, друг, – приторным голосом заверил другой гопник, – дай закурить.

– Лучший друг – это книга, – наставительно заметил Всеволод, – денег не просит, сигареты не стреляет.

Говоря эти слова, он лихорадочно искал направление, куда ломануться, когда урелы от слов перейдут к делу.

– Что ты сказал, козлина, – загоношился самый меркантильный хулиган, – куртку снимай и ботинки, быстро.

– Может тебе ещё и завтрак в постель подать? – вежливо поинтересовался Сева, – хотя, хочешь завтрак в постель –

спи на кухне, опоссум.

Выдав подобно древнему римлянину бессмертную фразу, он также решительно принялся улепётывать по переулку. Шпана, крутя ремнями над головой, устремила за ним. Впрочем, грубияны быстро отстали, видимо по причине прокуренных лёгких и нерегулярного употребления витаминов группы Б. Однако Сева не спешил радоваться, он не знал этого района, а гопники знали. И дивный переулок мог в любой момент обернуться глухим тупиком и тогда ему предстоял неравный бой с отребьем, использующим ремни не по назначению. Обесточенный город освещала только кривая Луна, да зарево далёких пожарищ. Дома теснились с двух сторон, не спрятаться, не скрыться. И вдруг впереди показалось ярко освещённое здание – луч света в тёмном царстве беспредела и неограниченных возможностей. Поистине уникальных для всякого криминала. Сева нырнул в освещённое здание как в прорубь. У дверей, как ни странно, дежурил охранник.

– Пропуск, – грозно нахмурился он.

– Пропуск? – удивился Андреич, – а что, в Москве ещё есть места, где требуется пропуск?

– Без пропуска не пушу, – стоял на своём вахтёр.

– Да не больно-то и хотелось, – сменил тактику Сева, – сейчас позвоню корешку, сам спустится.

Сева достал давно молчащий мобильник и сделал вид, что набирает номер.

– Здорово, боярин, как сам? Что же ты не сказал, что в ва-

шу контору пропуск нужен? Сам тогда спускайся. Что? Минут через двадцать? Хорошо. Я подожду.

Охранник кивнул, мол, всё в порядке, жди здесь, и уткнулся в газету. Казалось, его не удивил ни Севин звонок по телефону, ни третий час ночи на офисных часах. Наружная дверь приоткрылась и три уголовные рожи сунулись в проём. Странный охранник не спеша, отложил газету, снял очки и выудил из-под стола помповое ружьё. Рожи исчезли. Охранник вернулся к чтению, предварительно вернув очки и ружьё на свои законные места. На Андреича он вообще не обращал внимания. А Крылов, решив, что он лучше дождётся утра здесь, опять талдычил в глухонемую трубку:

– Боярин, ну ты скоро? Сколько можно? Что мне тут всю ночь торчать?

Сева уже начал задрёмывать на подоконнике, когда по лестнице спустился парень в серебристом дорогом костюме и с папкой в руке.

– Сисадмин?

– Ну, – не стал спорить Сева.

– Где вы шлындали, бездельник?

– Сисадминил, – попытался сострить Андреич. Насколько он знал, сисадмин – это мастер по наладке компьютеров.

– Сисадмин, вы умом не блещете, вы им рябите, – наехал парень в костюме.

– Зато у вас хороший склад ума, жаль пустой, – не остался в долгу Сева.

– Сисадмин, ваше дело не сверкать интеллектом, а быстро и качественно чинить зависшие компьютеры.

– В кривых руках и калькулятор зависает, – не мог успокоиться Крылов, следуя за борзым парнем.

Они вошли в огромное помещение, поделённое прозрачными перегородками на множество загончиков. В каждом отсеке сидел молодой человек или девушка, и судорожно стучали по клавиатуре. Глаза их не отрывались от мониторов и поэтому были красными и воспалёнными.

– Сисадмина привёл, – оповестил всех борзый начальник.

Никто не откликнулся, все продолжали работать.

– Что за фигня? – обалдел Сева, – вы, наверное, не в курсе, что на улицах творится?

– Ничего там особенного не творится. Системного сбоя не произошло. Остальное – всего лишь мелкие сетевые помехи. Небольшая перезагрузка общества.

– Небольшая!?! – вне себя заорал Сева

Старший менеджер ловко толкнул доктора и тот влетел в его загончик. Парень плотно закрыл дверь и опустил жалюзи, организовав тем самым пятачок приватного пространства.

– Что ты орёшь? Что ты панику разводишь?

– Да как не орать? На улицах варвары грабят третий Рим. Вандалы в городе, урелы наступают, а ты мне рот затыкаешь. Эти твои подчинённые, они, что не в курсах?

– Незачем.

– Что незачем?

– Незачем им знать, что творится на улицах. Я им сказал: получено срочное задание. Мы должны разработать схему логистики по очень важной проблеме. Кто откажется – может ковылять домой без выходного пособия. Кто согласится – получит тройное жалование плюс бонус. Все остались. Работаем день и ночь.

– И что же вы делаете? Если вся страна встала и празднует трёхсотлетие гранёного стакана.

– Я даю им задание, они выполняют. Я даю другое и так далее.

– И долго ты намерен так продержаться?

– Не знаю, – хлюпнул носом старший менеджер, – они наверняка уже обо всём догадались.

– Так распусти всех по домам.

– Нет, – утёр слезу парень, – я буду делать вид, что ничего не произошло. Мы, офисные работники подобно зверушкам в зоопарке. Стоит нас выпустить на волю, и мы тут же погибнем. Поэтому нам предстоит держаться за свой зоопарк до последнего. А ты иди, свободный человек, утро уже наступило.

Они вышли в общее пространство. Сотни глаз устремились на них.

– Дармоеды! – закричал старший менеджер, – всех уволю! Рыгалов, ты график построил!? Сисина, ты ВВП подсчитала!? Нет? Так что же вы на нас вылупились? Быстро по ра-

бочим местам! Писюк, охламон, ну-ка пойдём ко мне в кабинет. Я те дам рабочее время разбазаривать.

Все дрыстнули по своим стойлам, а Писюк с поникшей головой побрёл в загончик начальника. Дверь захлопнулась, но и сквозь неё доносились распекающие крики.

– Начальник принимает у себя в кабинете, подчиненные, где нальют, – пошутил себе под нос Сева и отправился к выходу. Он не знал смеяться над этими людьми, жалеть их или уважать.

Глава 6

Из-за угла выскочил совершенно счастливый Ушанкин. Одной рукой он бережно прижимал к груди бутылку дорогого вина, другой поддерживал постоянно сползающие брюки. Модное кашемировое пальто волочилось по грязи, длинные рукава, казалось, навсегда утопят руки, и Витюша напоминал школьника в одежде, купленной на вырост.

– Сева, – ослабилась бывший сосед, – как тебе мой прикид?

– А он тебе не великоват?

– Да, сука, банкир был переростком, одежей все шкафы забиты, но всё велико. Ничего, Нюська укоротит. Пойдем, посмотришь, в каких хоромах я теперь живу.

– Надо вооружаться, не знаешь где можно рогатку и шокер надыбать? Некогда на твои хоромы смотреть.

– Да пойдём. Там потолки аж пять метров, джакузя и телек во всю стену. У Серафима-то поплоше будет. Одно слово для прислуги.

– Как же он тебе такое богатство уступил? На него не похоже.

– А мы на пальцах кидались. Всё по-честному. Завидно?

– Не-а.

– Врёшь, Сева, завидно.

– Витюша, такие хоромы не могут достаться пролетариа-

ту. Не могут по определению. Придёт какой-нибудь товарищ Серый и попрёт тебя оттуда поганой метлой. Так что ты за свою хрущёвку держись обеими руками, мало ли что.

– Не учи учёного. Хрущёвку я сдавать буду, а в особняке сам колобродить.

Они подошли к парадному входу особняка. Лестница напоминала гимназистку, учившуюся в закрытом заведении, а потом отданную в солдатский бордель. На мраморных ступенях виднелись следы рвоты. Половина медных шишечек была отвинчена, а ковровая дорожка валялась скомканная у входных дверей, залитая то ли кровью, то ли вином. Ушанкин важно открыл дверь замысловатым ключом. Почему-то откашлялся и робко шагнул внутрь, видно ещё не привык к свалившемуся богатству. Коридор был огромен и светел. Несколько бра выгодно оттеняли наборный паркет. Ниши в стенах украшали причудливые вазы.

– Виндал-миндал. Снимай ботинки. Я тут даже в тапках не хожу, боюсь паркет поцарапать, только в носках.

Носки у Витюхи остались от прежней жизни, были в дырках и плохо гармонировали с его дорогим костюмом.

– А теперь пойдём в залу.

В «зале» размещался стеклянный шкаф, набитый всякими диковинками, музыкальный центр с колонками, огромная плазменная панель на стене и белый кожаный диван посередине. А больше в комнате ничего не было и от этого свободного пространства на душе делалось легко и приятно. Ви-

тек, не сдержав нахлынувших чувств, пошёл вприсядку.

– Вот, блин, жалко кассетника здесь нет. А то бы я сейчас «барыню» грянул. У меня кассет до фига, а здесь всё под диски заточено.

– Витюша, весь цивилизованный мир давно уже перешёл на цифру. Найди пару дисков и отплясывай.

Тут в комнату как мелкий бес ворвался внук Витюхи и с криком: «Смотри, деда, как я умею»! с разбега прыгнул на диван ногами. Пока внучек скакал на диване, Сева думал, что дедушку, хватит удар. Тот побагровел и беззвучно шевелил губами, вероятно отсчитывая меру своего терпения. Мера оказалась недолгой, и Витёк завопил голосом недорезанного буржуя: «слезай, засранец, сейчас же, не тобой куплено»! Сорванец в слезах убежал, а Витюша заскорузлой ладонью стал вытирать следы малолетнего преступника с кожаной обивки.

– Только всё портят, только свои грабли повсюду суют, – горько сетовал он на бестолковую родню.

– Я, пожалуй, пойду, – стал прощаться Сева, как всегда, удивляясь человеческим метаморфозам.

– А я думал, бутылочку разопьём, – не очень уверенно начал хозяин.

– Нет, я уж воздержусь.

– А что так?

– В такое опасное время лучше не расслабляться.

– Ну, и я не буду. Мне и так всё зашибись, а бормота, она

жизнь укорачивает.

– Вообще то, Витёк, это не бормота. Это одно из лучших испанских вин «Рьоха».

– Всё равно апельсиновый сок полезней, – отрезал борец за здоровый образ жизни.

– Да кто бы спорил, – согласился Сева.

Только Андреич наладился выходить из особняка – глядь, навстречу Серафим в кожаной шляпе с широкими полями.

– Сева, пойдем, покажу как я тут обустроился.

Троекуров оккупировал мансарду. Развалясь в кресле-качалке и листая Playboy, предложил Севе сигару.

– Я уже 12 лет как бросил.

Серафим затаился, закашлялся и со слезами на глазах спросил:

– С помощью своего метода бросил?

– Ну да.

– А я, как думаешь, брошу?

– Конечно. Чем лучше человек живёт, тем дольше хочет прожить. И, наоборот, чем хуже жизнь, тем скорее включаются механизм саморазрушения. Кто из богатых будет пить палёную водку и одеколон? Только в России в годы революций, войн и переходных периодов принято говорить на похоронах: «отмучился, раб Божий. Слава Богу, отмучился». Не плохо, что умер, а хорошо, что лапы склеил. А если хорошо живёшь, зачем себе жизнь укорачивать?

Серафим сразу затушил сигару и предложил свежевыва-

того апельсинового сока. Сева делал маленькие глотки из хрустального фужера и потихоньку ждал развязки. Он загадал: разобьёт Серафим бокал после сока или нет? Троекуров допил сок и осторожно поставил фужер на стол, впервые на Севиной памяти.

– А что же ты посуду не бьёшь как раньше? – поинтересовался гость, – так не интересно, братец, теряешь аристократизм.

– Чтобы жизнь была полной чашей, нужно пореже чокаться и уж точно не бить посуду, – сформулировал своё новое кредо ещё один буржуй, – а знаешь, Сева, за что я тебя особенно уважаю?

– ?

– За то, что ты вытащил меня из гнусной конторы, где я убивался за копейки и лез к богатству на четвереньках, да только всё понапрасну. Вся прибыль достаётся хозяину, а мы как ступеньки для его победоносного восшествия наверх. Сидишь в этом долбаном офисе по двенадцать часов, чего-то корпишь, корпишь. Становишься мелочным, завистливым, выгадываешь копеечные интересы и вымаливаешь тобой же заработанные деньги. Смотришь на солнце сквозь щель в жалюзи и чувствуешь себя последней шестерёнкой в страшном молохе наживы. А хозяин ещё кочевряжится, а все прихвостники его поддакивают, твари. А ты смотришь, смотришь на это, и в тебе закипает праведный гнев. Хочешь, стихи прочитаю?

– Давай.

Я больше не винтик,
Сломалась резьба.
Меня не удержишь
Похлёбкой раба.

Я скользок и вёрток,
Я прыток и смел,
Но сотни отвёрток
Опять не у дел.

Они стерегут
Весь мой жизненный путь
И каждой неймётся
Меня завернуть.

Дать тощую пайку,
Отправить в забой,
Закручивать гайку
Железной рукой.

Закручивай резче
И ставь на поток,
Ведь есть ещё клещи
И есть молоток.

Я больше не винтик,
Сломалась резьба.
Я выбрал свободу.

И это судьба.

– Или вот ещё. Он больше всего ребятам нравится:

Я приду с калашом на работу,
Прихвачу ещё сменный рожок
И устрою на гадов охоту.
Ты не гад? А, любезный дружок?

Я стрелять буду влёт и с колена,
Искривив свои губы смешком
И мой босс упадёт как полено,
Заместитель осядет мешком.

Старший менеджер будет пытаться
Безуспешно укрыться в шкафу,
Секретарша предложит отдаться,
Чтоб не ставил ей крестик в графу.

Но сегодня я что-то не в духе
И хочу довести до конца
Отделение котлеты от мухи
И пособия от подлеца.

Ну, что, с-с-суки, зажали зарплату
И опять провели как лоха,
Ну, тогда получайте расплату —
Пулю в глотку. А кто без греха?

Передёрну устало затвором
И скажу в гробовой тишине:
«И так с каждым начальником – вором
Может стать наяву и во сне»!

Мне, конечно, всё это приснилось.
Я по жизни святой херувим.
Только гильза под стол закатилась,
Да и руки по локоть в крови.

– Но потом ты вспоминаешь, что тебе нужно платить проценты по кредиту или делать ремонт в квартире. А в другом месте, может, ещё хуже? И ты дальше тупо тянешь ляжку, пока не сдохнешь, или тебя не выкинут на помойку за ненадобностью. И при этом денег хватает только впритык, и работу ненавидишь как школьник младших классов предстоящий диктант. И деться некуда: надо как ослик вечно бежать за морковкой. И вдруг, о, чудо! В один миг из офисного мышонка превращаешься в наследника банкира, из младшего менеджера в козырные тузы. Мне нравится.

– Ну, я рад за тебя, Серафим. И за Витюшу тоже. Приятно в наше нелёгкое время встретить успешных людей.

– Сева, а хочешь, я тебе галстук подарю? Новый, ненадёванный.

– Спасибо, Серафим, подари лучше валенки. В годы революций зимы, почему-то самые лютые.

Глава 7

Через два дня перед домом Сева встретил спотыкающегося Игорька. Сосед находился в той стадии подпития, когда уже пора рвануть на груди рубаху и закричать с надрывом: «Православные, бей в набат. В душу плюнули и сапогом растёрли». Вместо этого Игоряха упал доктору на грудь и оросил её обильными пьяными слезами. Потом заплетающимся языком поведал о том, чем жизнь отличается от члена, а, именно тем, что гораздо жёстче. Его жена более связно поведала о произошедшем. В пять утра в особняк ворвался товарищ Серый с командой полуматросов и взашей погнал всю нищую братию, возомнившую себя наследниками банкира. Витюша сражался как лев, защищая своё право на красивую жизнь. В результате ему выбили прокуренный клык и спустили с лестницы кубарем. Троекуров как истинный аристократ по лестнице сошёл сам, но напоследок получил такого пендаля, что вкушает винище, лёжа на боку.

– Забухали? – охнул Сева.

– Не то слово, теперь до белой горячки допьются. Витюша вообще не в себе. Рвётся назад, в особняк. Отговори его, а то ведь убьют, не ровен час.

В песочнице царило похоронное настроение. Причём непьющие жёны киряли наравне с мужиками. Происходил мучительный процесс расставания с шикарнейшей жизнью. Се-

рафим валялся на боку прямо в снежной жиже. Его кожаная испанская шляпа потеряла в боях форму, и складывалось впечатление, что Троекуров – незадачливый тореадор и его шляпу долго жевал рассерженный бык. Видно было, что в душе все уже примирились с уплывшей сладкой жизнью. И только Ушанкин хмуро смотрел в одну точку, прижимая к груди уведённый пульт от чудо телевизора. Судя по настрою, без боя Витюха сдаваться, не собирался и вынашивал планы вторичного самозахвата апартаментов банкира.

Глава 8

Только Сева стал засыпать, в дверь застучали. Настырно так, с оттягом. Чертыхаясь и ища впотьмах рогатку, спросил:

– Кто там?

– Открывай, хорёк. Сейчас узнаешь, – зашумели на лестнице нетрезвые голоса.

– А вот не открою, – упёрся Сева, – кто стучится в дверь моя, видишь дома нет никто.

– Открывай, говорим, у нас мандат.

– Говорите, говорите, я всегда зеваю, когда мне интересно.

– Мы по приказу товарища Серого. С нами шутки плохи. Мы сейчас дверь выломаем, – стали угрожать гости снаружи.

– Давайте, давайте, лбы у вас крепкие, может, и выломаете, – стал хихикать жилец внутри.

Голоса, посоветовавшись, удалились вверх по лестничной клетке. Сева прислушался. Сверху раздались удары в дверь, затем детский плач и женские крики. Потом состоялось торжественное выведение жильцов мужского пола на улицу. Самое странное заключалось в том, что соседи безропотно открывали двери и шли как коровы на убой покорно и с ощущением собственной вины. Спускаясь по лестнице, конвоиры ещё пару раз врезали по его двери.

– Никого нет дома! – заорал в ответ Андреич.

Выглянув в щель между подушками, обнаружил, что под фонарём стоит «воронок». Настоящий. Тридцатых годов. У полуматросов в руках сверкали винтовки со штыками времён Октябрьской революции, а товарищ Серый был в кожанке с деревянной кобурой на боку. Время от времени он воинственно потрясал маузером и напоминал товарища Троцкого, потерявшего по-пьяни пенсне. Мужиков начали заталкивать в «воронок», норовя уколоть штыками, а женщины и дети подняли такой вой, что могли разжалобить и крокодила. Но полуматросы только лихо смолили сигарки и отгоняли провожающих от машины. Женщины выли и причитали, несмотря на верхнее образование и умение пользоваться ноутбуком. Все сравнились в этом плаче: жёны бизнесменов и мусорщиков одинаково пытались ухватиться за одежду забранных мужей, а мужчины, улыбаясь резиновыми улыбками, кричали в равнодушную ночь:

– Это ошибка. Ничего, там разберутся. Безвинных у нас не сажают.

«Воронок» укатил, а женщины всё стояли, кутаясь в кофты, второпях наброшенные на поникшие плечи, всё переминались озябшими ногами в домашних тапочках, всё рыдали и обсуждали случившееся. Наконец, решили утром идти и упасть в ножки товарищу Серому.

Сева запалил лучину и призадумался. Весь реквизит товарища Серого отдавал такой профанацией и самодеятельностью, что с души воротило. Наверняка музей Революции

гробанул, недоумок хренов. Даже при слабом свете фонаря было видно, что винтовки в руках рассыпаются, а маузером только орехи колоть. То, что грузчик, он же биндюжник по кличке Серый неадекватен Севе как специалисту было видно за версту. Работник ящика и тележки годами копил злобу на богатых и успешных, а когда началась смута, его психика не выдержала и дала сбой. Теперь он бредит семнадцатым годом и пытается выстроить сценарий по всем канонам Красного Октября. Как будто можно в одну воду войти дважды и отреставрировать военный коммунизм одной левой. Ладно, товарищ Серый – городской сумасшедший, но соседи-то люди здравомыслящие. Почему они так легко повелись на этот театр? Генетическая память, врожденная покорность, затяжная отставленная психогения, вызванная резкой ломкой привычного стереотипа, беспрецедентная для жизненного опыта? Так, потянуло ставить диагнозы. Не надо. У товарища Серого шизофрения, однозначно. А соседи просто напуганы и сбиты с толку. Стоит им открыть глаза на закидоны красного командира с точки зрения психиатра и проблема разрешится сама собой. С этой мыслью Сева и уснул.

Глава 9

Утром Андреич пошёл к злополучному особняку. Перед автоматическими воротами маячил шибко нетрезвый часовой. Штык он уже где-то потерял, очередь была за винтовкой. Сева козырнул и сухо бросил:

– У себя?

Часовой икнул. Глядя вытаращенными глазами на Андреича и пытаясь собраться, нечленораздельно прогавкал:

– Га-авуся.

– Очень приятно. Крылов, – представился Сева.

– Га-авуся, – помотал головой боец.

– Главный у себя? – переспросил Андреич.

– Га-авуся, – затрясся всем телом часовой.

– Вы хотите сказать: главный у себя?

– Ка-авуся, – сделал страшные глаза охранник, пеняя на крайнюю бестолковость собеседника, – кла-авуся.

– Клавуся, – наконец перевёл Крылов, – Клава, что ли?

– У-у-у-у, – утвердительно закивал в дымину пьяный часовой, – Кавусю люлю.

– Любишь Клаву? – обрадовался за бойца Сева, – вот молодец. Возьми с полки пирожок.

Внутри особняк представлял удручающее зрелище. Двери, сорванные с петель, валялись вперемежку с сорванными картинами. На полотнах отпечатались следы многочислен-

ных подошв. Посредине холла стоял бильярдный стол, поднятый из подвала. Вокруг него сгрудились пьяные в стельку полуматросы. У каждого в руке сверкал и искрился гранёный стакан.

– Медведь пришёл, – заорал один из мужиков.

Каждый быстро опрокинул в себя стаканище и поспешил укрыться под столом. Места там было недостаточно, поэтому под бильярдом некоторое время наблюдалась возня. Все стремились занять и отвоевать свой аршин пространства. Наконец, все устроились. Прошла минута.

– Медведь ушёл, – раздался тот же голос.

Все быстро выскреблись из-под стола и ухватились за стаканы. Бутылка пропутешествовала по всем стаканам и отлетела в сторону как отстрелянная гильза. В дело пошла вторая. Только посуда наполнилась, как опять прозвучал неумолимый голос:

– Медведь пришёл.

Все шарахнули по двести грамм и спешно полезли под стол. Издалека они даже напоминали неразумных детей, любящих прятаться под столом.

– Ну, как нравится?

Сева обернулся. Товарищ Серый стоял за его спиной и с отвращением смотрел на люмпенов.

– Не очень, – осторожно высказался Андреич.

– Да говори смелей, что полное разложение. И это революционный авангард. Смотреть противно. Игра называется

«Медведь пришёл». Знаешь, что будет дальше?

– ?

– Они так и будут лезть под стол, и вылезать оттуда, пока кто-нибудь там не уснёт. Таких будет всё больше и больше. Наконец, останется самый испытанный боец, который один сможет выбраться наружу. Он и считается победителем и получит в награду ящик водки. Вчерашний победитель с трофеем вышел на улицу и потащился к дому. Через пятьдесят метров его забили насмерть обрезками труб какие-то хулиганы, а ящик, соответственно, присвоили. Сейчас мы видим вторую серию этого увлекательного сериала. Так зачем вы к нам пожаловали, Всеволод Андреевич?

– Да я по поводу своих невинно севших соседей.

– Знаете, как говорил Феликс Эдмундович Дзержинский: «Если на вас ещё не завели дело – это не ваша заслуга, это – наша недоработка».

– Но они же социально близкие, такой термин, кажется, бытовал в те пламенные годы. Не махровая контра, а стопроцентные пролетарии.

– Да знаю я их. И тебя знаю. Уже целых семь лет.

– Откуда? – глупо спросил Сева.

– Я в этом доме семь лет живу. В соседнем подъезде, а ты меня даже не помнишь. Троекурова и Ушанкина все знали. Тебя хоть некоторые, а меня никто. Ты понимаешь, никто. Я и имя себе такое взял «товарищ Серый», что был абсолютно незаметен как человек-невидимка. Ну, ничего, зато теперь

вы хорошо меня запомните. Ну-ка, воскреси меня до революционных перемен?

Сева сделал вид, что углубился в прошлое. Нахмурил лоб, почесал кончик носа и вдруг действительно вспомнил, как мужичонка с пегой бородёнкой учил пацанов игре в чижик и грозился раскулачить всех богатеев. Однако с той поры он значительно заматерел.

– Ты ребятам показывал, как лаптой бить по чижику и гольф критиковал, а потом на пластиковые окна наезжал.

– Не на окна, а на хозяев. Ты лучше скажи, почему дверь не открывал?

– Не люблю быть покорной коровой. Тем более что забирают всегда или самых безропотных, или самых резвых. Они по первому требованию идут сдаваться. Их загребают и делают план. А когда план выполнен, и камеры и казармы битком набиты, до таких как я просто руки не доходят. Мы никому уже просто не нужны.

– Понятно. Знаешь, почему я тебя сразу выделил?

– ?

– Во-первых, ты мнегодишься. Я собираюсь стать главою международного правительства. А ты мне сделаешь специальную Программу, чтобы повелевать миром...

Сева отключил слух. Этому учили ещё в ординатуре. Главное, не попасть в структуру бреда такого больного. Шутки шутками, а собственную психику надобно беречь. Психически нездоровые люди иногда бывают крайне убедительны.

И только психиатрам видно, что генсек-то того, с прибабахом. Недаром академик Бехтерев вышел от Сталина со словами: «сухорукий параноик». Правда, это стоило академику жизни. Товарищ Серый размахивал руками и внимательно заглядывал Андреичу в глаза. Тот согласно кивал. Будущий правитель мира надул щёки и стал усиленно дуть, как будто надувал детский шарик. Сева кивал. Почти мировой диктатор, зачем-то присел на корточки, потянул за собой доктора и стал рисовать пальцем на грязном полу какие-то диаграммы. Сева кивал. Когда жестикуляция Серого пошла на убыль, Крылов включился и одобрил грандиозные планы.

– Это круто.

А про себя подумал: «Эх, болезный, не бери от жизни всё – не унесёшь». Товарищ Серый опять начал тереть о красных коммунах. Доктор снова отключился.

Глава 10

Задутый в хлам полуматрос с пятой попытки попал, наконец, ключом в замочную скважину.

– Свобода! – заорал он дурным голосом и растянулся на пороге.

Немного поворочался и вместо того, чтобы встать, свернулся калачиком и уснул.

– Смена караула, – подытожил Сева, – вы будете выходить, архаровцы, или здесь останетесь?

Соседи гуськом потянулись на выход. Ночь, проведённая в каземате, не прошла даром. Мужики шли как заключённые: руки назад, головы низко опущены. Андреич как конвоир шёл сбоку и громко командовал.

– Левое плечо вперёд. Прямо шагай, острожники.

– Сева, а куда ты нас ведёшь? – робко подал голос Ушанкин.

– На расстрел, – отрезал Крылов, – будем пускать в расход всех, кто по ночам незнакомым людям двери открывает.

– Ты шутишь что ли? – стали оживать заключённые, – а тебя-то, почему не забили?

– Потому что я не корова, как некоторые.

– Ага, а ты видел какие у них винтовки?

– Ага, а вы видели какие они древние, эти винтовки? Реквизит для погорелого театра. А полуматросы на ногах не дер-

жаться. А у Серого крышняк совсем сорвало.

– Погоди, – стали прозревать без вины виноватые, – ты хочешь сказать, что всё туфта?

– Взвод, стой, раз, два, – скомандовал Сева, – я хочу сказать, что товарищ Серый страдает шизофренией. Что его полуматросы, не просыхающие маргиналы и урелы, вылезшие на свет божий из качалок и пытающиеся связать два слова о новом порядке. Слова связывать у них не получается и они начинают связывать руки. Никого и ничего серьёзного за ними не стоит.

– Погоди, – осенило Ушанкина, – значит, они шпана бацильная. Так какого хрена они мой особняк заняли!?

– Он не твой, – возразил Троекуров.

– Мой, – упёрся Витюша, – я первый его занял после банкира. Значит, он мой.

– Точно, – подтвердил Игоряха, – я свидетель.

– Пойдём этому серому козлику зубы посчитаем, – разговевался Витюха, – мой особняк какой-то шизик занял, а мне в хрущёвку возвращаться?

– Я вас, острожников, только что из крытки вызволил, а вам уже хрущёвка не по кайфу, – пожал плечами Крылов, – взвод разойдись.

Но «взвод» расходиться не спешил. Возникли бурные прения по вопросу начистить харю товарищу Серому или оставить такой же немойтой. Активное меньшинство, состоящее из Ушанкина, требовало кровавой расправы над быв-

шим соседом. Витюша выскочил из строя и с криками: «бф, бф, туф, туф» стал изображать как он отмахает товарища Серого. Он наносил смертельные хуки и апперкоты, бил коленом и заезжал пыром, уворачивался от слабых сереньких ударов и снова колошматил выродка. Вот Ушанкин уже повалил противника и стал выбивать из него все завиральные идеи. Брызги снега и воды летели во все стороны, в месте, где топтался бесстрашный воин, образовалась порядочная яма. А Витюха всё скакал на «поверженном враге», превращая его позвоночник в грудку мелких и бесполезных предметов.

– Вот так я с ним расправляюсь, – утирая пот и пытаюсь отдышаться, пообещал Ушанкин.

– А что же ты вчера перекошил, – поддел Троекуров, – вчера нужно было ему юшку пускать.

– Действительно, – поддержал один из соседей, – чего теперь кулаками махать.

– Ни б, – рассердился Витёк, – я думал, он власть. А он просто психованный. Чтобы я свой особняк психу подарил? Да ни в жисть. Кто со мной пойдёт?

Желающих не нашлось. Напрасно Ушанкин предлагал часть апартаментов своим храбрым соратникам, напрасно расписывал величину плазменного телевизора и мягкость белого дивана. Добровольцы залегли в окопах: набить втихарию пачку Серому это завсегда. А так, чтобы штурмом брать особняк и выбивать «товарищей» силой – нет, это чревато. Тогда Витюша предложил для храбрости накатить.

– А у тебя есть? – сразу оживилось войско.

– Только для десантников, – отрезал Ушанкин, – кто пьёт, тот идёт в атаку.

– А у тебя много? – недоверчиво сощурились ополченцы.

– По литру на рыло выставляю, – заявил вербовщик, – коньяк «Хунаси».

– «Хеннеси», – поправил один из соседей.

– Хороший? – поинтересовались одни.

– Сойдёт, – успокоили другие.

Все за исключением Крылова, Троекурова и двух очкариков, согласились под командованием Витюши взять штурмом его кровный особняк.

– Но, не взыщи, Серафим, твоя мансарда кому-нибудь другому достанется, – предупредил распалённый Витёк.

– Например, мне, – предположил давно положивший на неё глаз Игорёк.

– Смотри, Витюха, – шмыгнул носом Троекуров, – их там много.

– Они все пьяные в дымину, – рассмеялся Ушанкин, – мы их одной левой выбьем.

– Да вы через два часа такие же будете, – накаркал Крылов.

– Мы по двести фронтовых и в атаку, – начал убеждать себя и других полководец Ушанкин.

– Остальное выпьем за победу, – поддержало томимое жаждой войско.

Витюха вынес два ящика заныканного коньяка в песочницу, и артиллерийская подготовка началась. Первые сто грамм ушли незамеченными. Вторые, как водится, за победу. После третьей Витюша вновь изобразил, как глумится над поверженным врагом. Движения его стали замедленными и немного балетными. Ушанкин напоминал фигуриста, исполняющего тройной тулуп в замедленном повторе, только вместо льда под ним скрипел песок. Пару раз Витюха упал, но какое фигурное катание без падений? Дальше полководец Ушанкин допустил стратегическую ошибку: вместо того, чтобы, возглавив осмелевшее войско, ворваться во вражескую крепость, он предложил на посошок. Посошок растянулся на три захода: пристяжную, отходную и уже без названия. Когда ящики с артиллерийскими снарядами иссякли, пехота лежала вокруг песочницы в немыслимых позах. Как будто и вправду пехотинцы пали смертью храбрых положенные шквальным огнём противника. Игорёк лежал поперёк сидения качелей и тупо смотрел в землю. Сосед с третьего этажа, лежащий с зажатой бутылкой в руке, напоминал политрука с гранатой, поднимающего взвод в атаку. Сосед с пятого обхватил ножку детского грибочка руками, и казалось, это медсестра выносит раненого бойца с поля боя под свист и улюлюканье снарядов. Витюша лежал на спине, глаза его были устремлены в небо. Губы шевелились, отдавая неслышные приказы, вытянутая правая рука держала шарф, он полоскал на ветру как знамя.

Глава 11

– Витюху убили! – слышалось с улицы.

Жильцы стали собираться у холодной и неуютной песочницы, хранившей следы вчерашнего пира. Было семь утра. Побитое «Хенесси» войско расплзлось около часу ночи, оставив на стылой земле боевые доспехи. Варезки и шапки, шарфы и даже чей-то носок, припорошенные снегом, напоминали о вчерашнем побоище с Зелёным Змием.

– Кто сказал, что его убили? – голосом прокурора спросил Троекуров.

– Я, – отделилась от соседей жена Игорька, известная сплетница и пустолайка, – сама видела. Лежит родненький на бочку возле особняка. Бросили его одного, бесстыжие.

– Может, он пьяный? – выразил сомнение Игоряха.

– Какой пьяный? – взвилась как ракета его супружница, – сама видела, как его прикладами забили опричники энти. А товарищ Серый самолично командовал. Забейте, говорит, его, он здесь самый вредный.

Бабы начали привычно подвывать и утирать слёзы. Тогда Серафим и Игоряша пошли проверять точность разведданных. Разведчики вернулись чернее тучи, оказывается, Ушанкина уже на улице не было, видно, тело занесли в особняк.

– Концы в воду прячут, – резюмировал Серафим, – Витюшу, лучшего моего друга прикладами как последнего бро-

дяде пса забили. А мы что? Так и оставим?

– Мы отомстим, – неуверенно подали голоса соседи, – мы расквитаемся. Но сначала нужно помянуть.

– А-а-а-а-а, – махнул рукой Троекуров, – вам бы только нажраться.

И, правда, соседи плача и проклиная злодея Серого, принялись деловито готовиться к поминкам. Рыдающая вдова Ушанкина, глотая слёзы, стала писать список приглашённых.

– Сволочи вы, – не выдержал Серафим, – правду говорят: чем в России поминки отличаются от свадьбы? На одного пьяного меньше. Ну, вас всех – один отомщу.

Все принялись отговаривать народного мстителя, предлагая поднакопить силы и выработать чёткий план действий. К Севе подошёл очкарик из соседнего подъезда.

– Всеволод Андреевич, что я могу для вас сделать? Я вам бесконечно благодарен за счастливое вызволение из застенков.

– Спасибо за заботу, но больше всего мне в данный момент требуется швея.

– Швея? – обалдел сосед.

– Видите ли, уважаемый, российская действительность такова, что постоянно предлагается выпить. Горе и радость, рождение и смерть, утрата и покупка – всё сопровождается предложением «обмыть». Вот и сейчас: погиб человек, а все уже заняты поисками спиртного, как будто именно водка укажет дорогу в рай усопшему. И попробуй, откажи – ста-

нешь врагом на всю оставшуюся жизнь.

– Традиции, – пожал плечами сосед.

– Я не собираюсь менять привычек нашего великого народа. Раз уже поменял – хватит. Просто мне пришла в голову идея как совместить приятное с полезным. Распарывается обычная куртка и в подкладку подшивается прорезиненная ткань. В левом рукаве что-то типа воронки с клапаном. Берёшь правой рукой рюмку водки, подносишь ко рту две руки одновременно и, делая вид, что выпил, плескаешь водку в левый рукав. Допустим, одну, две рюмки, действительно выпиваешь, а остальные сливаешь в рукав. Потом её можно обратно вылить и использовать как жидкую валюту. Убиваем сразу несколько зайцев: и в конфликт ни с кем не вступаем, и голова всегда ясная, и с похмелья не мучаемся. А водку потом всегда можно на хлеб поменять.

– Здорово, – загорелся сосед, – я сделаю. У вас есть подходящая куртка?

– Найду.

– Так, а где взять водонепроницаемую ткань?

– Может, надувной матрас распатроним?

– Точно. Несите, Всеволод Андреевич, компоненты. Через два часа будет вам куртка Джеймса Бонда. Я, знаете ли, очень соскучился без дела. Мы же россияне очень трудолюбивые люди, только нам цель нужна большая. Чем больше, тем лучше, а без цели мы сразу в запой уходим. Согласны?

– У меня, знаете ли, более профессиональный взгляд на

такие вещи. Хотя определённая логика в ваших словах есть. Со своей стороны предлагаю наладить серийный выпуск таких курток – ВВП скакнёт сразу в несколько раз, да и смертность поубавится.

Через два часа сосед действительно принёс шпионскую куртку. Сева тренировался со стаканом воды, когда в дверь вломился Троекуров. Ни слова не говоря, он выставил бутылку рома на стол. Помолчали.

– Из старых запасов, – пояснил Серафим, – давай Витька помянем.

– Да там же общие поминки собирают, – попробовал отказать Сева.

– Что общие, – возразил Троекуров, – все тут же нажрут и будут песни петь. Типа, покойник при жизни был весёлым человеком, он сидит там, на облаке и радуется, какие у него хорошие были друзья и подруги. Тьфу.

– Это да.

– Никто его не знал, так как я, – распаляясь, продолжил Серафим, – «Витюха – алкоголик, Витюха – тунеядец». Так все считали. А у Витька была чистая душа, он любил красоту, красивые вещи, красивых женщин – вот к чему рвалась его душа. А ничего этого не было. Кругом только алюминиевые, гнутые вилки, да каракатицы пятьдесят четвёртого размера, тридцать три квадратных метра, да обшарпанная мебель. И когда он въехал в особняк, тут-то и воспарила его душа. И обрела, наконец, счастье и покой. Вон, все говорят:

«Витька жаба задавила за особняк». Дурачьё. Его лишили красоты. Опять вернули в убожество и нищету. Все смогли это перенести, а он нет. Хочешь стих?

– Давай.

Вышло красно солнышко, да закатилось,
Нетуги травки – сугробы, да лёд.
Сердце стучало, порой колотилось,
А нынче ударит и тут же замрёт.

Стёжки пусты, да сносились лапти,
Грудь нараспашку, а свет не согрел.
Только б завывать: православные, грабьте,
А что с меня взять, если гол как пострел.

А мне без тебя пустота и могила,
Ветер колючий, да жидкая грязь,
А мне без тебя табурет, да стропила,
Да крепкая верёвка, чтоб не порвалась.

Слёзы в глазах или морда в рассоле,
Где ж ты, Витюша, мой корешок?
На столе закуска – горбушка без соли
И есть ещё рукав – это на посошок.

Где ты мой друг? Словно соли хрусталик
Упал, растворился на дне туюска.
А что мне осталось? Недопитый шкалик.
Разбитое сердце, да злая тоска.

Серафим и Сева, не чокаясь, помянули раба божьего Виктора Ушанкина. Серафим продолжил:

Давайте помянем свободу
Без розовых, круглых очков
И выпьем торжественно воду
Из всех туалетных бачков.

Свободы в раю не бывает.
Свобода ночует в аду.
Она своих язв не скрывает.
Она в отвращении к труду.

Свобода не любит имущих,
Примерных мужей и отцов.
Она у торчащих и пьющих,
Бездельников и подлецов.

Свобода страшнее, чем рабство
Как пуля страшней кандалов.
Свобода и равенство с братством
Воистину разный улов.

Свобода не может быть сладкой.
Свобода предельно горька.
Она разновидность припадка.
Она самодурство царька.

Свобода – гашиш и путаны,
Свобода – портвейн из горла.
Свобода – «харлей» и бандана.
Свобода – полёты орла.

Свобода кончается быстро
Могилой, больницей, тюрьмой.
Свобода мгновенна как выстрел,
Летающий к тебе по прямой.

Серафим упал головой на руки и зарыдал. Сева похлопал его по плечу, утешая, и прочитал пару своих творений:

Если юность – это сказка, то старость – это быль,
Я лежу, уткнувшись носом в придорожную пыль,
Кстати, все мои идеи оказались в помойном ведре.
И мне нужно подняться и стать молодцом,
Усердным работником, мощным творцом
И начать всё сначала в какой-нибудь мерзкой дыре.

Мне пора уже смириться – я не стану богат.
Мне в затылок зло и страшно бьёт потухший закат.
Ещё несколько минут, и я просто погружусь в темноту.
Кто-то сзади бьёт по почкам и лопочет: «Лыжню»!
Кто-то ловко завлекает: «Дам кредит или женю»,
А я чувствую всем нёбом привкус крови и меди во рту.

А страдающий парнишка, он же просто смешон.
Сладко розовые щёчки, вместо нимба – капюшон.

И надрывные вопли: «Эта сучка опять не дала»!
Вот унылый, старый нищий – действительно ад,
Каждый встречный прохожий отводит свой взгляд,
Словно бедность заразна и может заключить дела.

Всякий хочет свою старость встречать в гамаке,
Чтобы ноги в тепле, ну, а нос в табаке,
А после забыться под чёрным могильным крестом.
Но если по жизни ты шагал налегке,
Часто утро встречал под столом в кабаке,
Значит, смерть свою встретишь в канаве тире под мостом.

Ну, а впрочем, не парься, что вышел седым.
Не хочешь болеть – умирай молодым.
Всё самое лучшее пишется до сорока.
А после ты только удвоишь свой вес,
Послужишь балластом, замедлишь прогресс
И будешь мешаться в ногах с тупизной старика.

– А вот другое:

Нас чистоган как траву косит
И отвсюду жлобством тянет,
И друг звонок мизинцем сбросит,
Изобразив, что очень занят.

Душа как рана ножевая
Болит и оставляет ямку.

Я не живу, я доживаю
И как фельдфебель тяну лямку.

А что, касатик мой, случилось?
Откуда вдруг такая смелость?
Что? Ничего не получилось?
Ну, из того, чего хотелось?

А, может, слишком был ленивым?
А, может, цели выбрал плохо?
Зачем тянуться было к сливам?
Нет бы, нагнуться за горохом.

И вот итог твоей гордыни:
Что на душе темно и пусто.
Зачем лелеять было дыни?
Нет бы, окучивать «капусту».

Мы перед Господом предстанем
Но не в костюме, а в исподнем.
Кто хмурым, зимним утром ранним,
А кто июльским, жарким полднем.

И на весы пред Богом лягут
Среди мобильников и сумок
Листы мелованной бумаги,
А там строка или рисунок.

Троекуров, всплакнул и продолжил:

– И с Серым у него были свои счёты. Тот, наоборот, уни-чтожал красоту. Сам же видел, во что они особняк превра-тили. Так, ладно, ещё три минуты и мы услышим залп ору-дий по случаю смерти моего друга, – мстительно произнёс Троекуров.

– Какой залп? – не понял Крылов.

– Пушечный, – уточнил Серафим, – все только болтать, горазды, а я пошёл в особняк, поджёг бикфордов шнур и сей-час разнесёт весь этот особняк вместе с упырями к чёртовой матери. Там у них взрывчатки до хрена. Это не пьяные песни на поминках, этому душа Витька точно обрадуется.

– А как ты время высчитал? – спросил Андреич, считая, что Троекуров бредит.

– Я сапёром в армии служил. Сантиметр бикфордова шну-ра сгорает в минуту, время взрыва высчитать несложно. О, вот, заткни уши, шас рванёт.

Действительно, грянул мощнейший взрыв. Если бы в до-мах остались стёкла, их бы вынесло взрывной волной, а так только подушки посыпались на пол.

– Ну, ты дал, – покачал головой Сева.

– За спасённую красоту. За отмщённого Витька. Смерть всем Серым и Рябым. Наливай, помянем раба божьего Ви-тюшу, чтоб земля ему была пухом. Ну, Витюха прости нас, если мы в чём-то перед тобой провинились...

С улицы послышался голос Ушанкина:

– Это чего там рвануло?

Троекуров и Крылов бросились к окну. Похмельный полководец в фуражке товарища Серого и с его же кобурой на боку ковырял мизинцем в ухе.

– Что за дела!? Кто тут шалит без моей команды!? – разорвался Витюша.

Тут он углядел, как его жена ставит на столы припрятанный коньяк из тайных запасов.

– Стерва, ты, что это моим коньяком распоряжаешься? Я распускаю войско. Отлезь от стола. Дармоеды, халявщики. Только на шару бухать.

Все бросились обнимать воскресшего «Наполеона», объясняя предстоящий праздник его же кончиной. Женщины опять зарыдали, мужики нахмурились: поминки отменялись, значит, дармовая выпивка тоже.

– За твоё счастливое воскрешение, Витюха, – нашёлся Игорёк, – за твоё второе рождение. Теперь сто лет жить будешь. Наливай.

Соседи быстро разлили коньяк и с тревогой посмотрели на генералиссимуса. Тот махнул рукой как Суворов, посылая солдат на вражеские редуты. Принял чарочку и сам. Повторили. Потом ещё.

– Рассказывай, как ты жив-то, остался? – наперебой загалдели поддавшие «десантники». А то уж видели, как тебя прикладами забили.

– Брехня, – рассердился Ушанкин и принялся опять показывать танец смерти, который он учинит над товарищем

Серым.

– Нету Серого, – оповестил всех Троекуров, – и особняка нету. Это я всё подорвал.

– Зачем?! – взвился Витюша, – зачем, ты мой особняк рванул, гнида?! Я тебе, Серафимка, никогда этого не прощу.

– Я же думал, что тебя эти сволочи замучили, – стал оправдываться Троекуров, – я отомстить хотел. Ты уж не обижайся.

– А как ты фуражку с кобурой стырил? – ловко перевёл разговор на другое Игорёк.

– Проснулся, смотрю...

Сева потихоньку встал и отправился домой. Что будет дальше, он знал наизусть. Наутро жена Ушанкина принесла Андреичу фуражку и револьвер товарища Серого, она не одобряла фельдмаршальских замашек своего мужа.

Глава 12

Крылов сидел перед листом бумаги и решал трудную задачу. Он хотел продать душу за еду. Вот раньше были золотые времена: душу меняли на огромные богатства, на бессмертие, на талант. А тут извольте душу закладывать за кусок чёрствого хлеба. Обидно, а что делать? Смута сопровождалась не только разрухой и анархией, её сопровождал крошечный голод, всё время хотелось есть. Андреич увидел афишу на столбе, где предлагалось написать панегирик пиву «Оболонь». Мол, за это дадут пожрать от пуза, если десять раз прозвучит слово «Оболонь». С одной стороны было нехорошо писать славословия в адрес врагов, с другой оттопыриться от недоедания и выбыть из списка живых не представлялось удачным выходом. Крылов решил задачу хитроумно: и пиво «Оболонь» упомянул, и назидательный тон сохранил.

Оболонь.

В моих жилах зажёгся огонь,
В голове зашумело слегка,
Это я накатил Оболонь,
В смысле выпил немного пивка.

Оболонь ты моя Оболонь,

Я пивко потихоньку сосу.
Не хочу ни в Париж, ни в Булонь,
Ни на дачу в тенистом лесу.

Оболонь ты моя Оболонь,
Не скрипач я и не баянист,
Я устрою бутылку в ладонь
И закину её как горнист.

Оболонь ты моя Оболонь,
Гарна дивчина, сало в борще,
Водка, баня, икра и гармонь.
Я хохол или русский вообще?

Оболонь – это солнце бродяг,
Оболонь – это счастье гостит,
Это вам не какой-то шмурдяк,
От которого утром мутит.

Ветер лысину мне ворошит,
Это я хорохорюсь для вас.
Я два года уже как зашит
И глотаю не пиво, а квас.

В дверь тихо постучали. Андреич выглянул в глазок. Маленький дедок переминался под дверью. На голову у него был нахлобучен треух, на плечах какой-то зипун. В руке наблюдался стильный кожаный портфель. Нищий что ли? Те-

перь каждый нищий при портфеле.

– Здрасья.

– Здрас-с-сьте.

– А я Пахомыч. А тябя как звать, величать?

– А я Андреич.

– Твоя что ля квартирка?

– Моя.

– Хорошая квартирка.

– Хорошая. С видом на удобства.

– Это как, милок?

– А так, дедушка. Электричества и воды нет, газа нет, телефон не работает, унитаз тоже. Холод собачий, только буржуйкой и спасаюсь.

– Исть, наверное, хочешь?

– Не без того.

– Хошь мяшок картохи.

– Задаром? Конечно, хочу.

– Эк, соколик, ты разбязалси. Задаром. Задарма только мыши плодятся.

– А что же я тебе могу взамен предложить? Мебель в печке пожёг. Компьютеры и прочую оргтехнику потырили. У меня и нет ничего.

– Я бы у тябя квартирку принял.

– Квартирку? За мешок картошки? Ну, дед, ты дал, – Сева искренне восхитился.

– А чего? Хорошая цена. Цельный мяшок картохи, – стал

убеждать ходок.

– Да до смуты она на двести тысяч баксов тянула, – стал торговаться Андреич.

– До сму-у-у-ты, – протянул Пахомыч, – вспомнила бабка, как девкой была. Бяри мяшок. Картошка всяму голова. Вон, Евсеич трёшку за три ведра взял.

– Это что же, по ведру картошки за каждую комнату? Откуда же вы такие покупатели нарисовались?

– Мы пскопские. А чего? Сам же говоришь, что электричества и водицы нет. Одни голые стены.

– Почему голые? С обоями, – перешёл в наступление Андреич. Ситуация забавляла его всё больше, – смотри какие обои красивые, в цветочек.

– Одними цвяточками не наисся, – убеждённо гнул свою линию Пахомыч, – давай так: мяшок картохи и ведро свёклы.

– Ага, и две морковки в придачу, – закапризничал жилец.

– Да что тябе эта квартирка, когда не сёдни завтрава ноги от голода протянешь. Подумай, сынок, не жадничай, не губи свою молодую жизнь. Ладно: мяшок картохи и два ведра свёклы. Запомни мою доброту.

– И что же ты с этой квартирой делать будешь, а, стервятник деревенский?

– Не твоя забота, малохольный. Нешто пожить не хочется? Жадные вы, городские. Уже в ушах ангелы поют, уже ноги не носят, а они всё за метры свои квадратные чепляются.

– И много ты, дедушка, квартир скупил? Если не секрет.

– Двадцать восемь. Одна к одной. Нравится мне ваш район. Лес рядом, опять же пруды. Кончится смута, переедем семейством суда, заживём по-людски.

– И что же в двадцати восьми квартирах рассядетесь? Вот кулачье.

– Не обзывайся, доходяга. Стоит, аж ветром шатает, а туда же обзываться. Поселимся в двух квартерах, остальные сдавать будем.

– Дедушка, хочешь, притчу расскажу?

– Рассказывай, да не помри за это время с голодухи.

– В одну деревню прилетел Змей Горыныч. Приземлился за околицей и давай выступать: «Не дадите пожрать – всю деревеньку спалю». Ну, народ собрал скудные запасы: молоко, яйца, хлеб и прочие припасы. Это Горынычу на один зуб. Опять грозит, если его не накормят, спалить деревню. Ещё по сусекам поскребли, принесли остатки съестного. Этого даже и на зуб не хватило. Разошёлся Змей Горыныч, последнее китайское предупреждение делает: «Не будет еды – не будет деревни». Выходит тогда из крайней избушки старушка и говорит, что у неё есть скатерть – самобранка. Ей кричат: «что ты медлишь, бабушка, тащи её скорей, спасай деревню». Принесла бабка скатерть – самобранку, расстелила перед чудищем. А он говорит: «заметь, у меня три головы. И у каждой аппетит, будь здоров». А скатерть выполняет любой заказ, каждой головы. Хомячил Змей Горыныч хомячил,

трескал, трескал, молотил, молотил, лопал, лопал. Наконец, налопался. Отвалился. Ясное дело, после сытного обеда погадить надо. Отошёл в кусты, напыжился, ... и разнесло ему задницу в клочья. Потому что хоть глотки и три, а задница-то одна.

– Хреновая притча, – отрезал дед, – говори, будешь картоху есть?

Он достал из кармана тёплую картошку в фольге. Чудный аромат ударил в ноздри. Желудок мгновенно забился как птица в силках, требуя тепла и пищи. Дед не спеша, разворачивал фольгу, а картофельный дух уже заполонил комнату. Тут как тут появилась бумага и шариковая ручка.

– Пиши, – приказал ушлый дедок, – я, такой-то, такой-то...

– погоди, – перебил Сева, – а когда картошку-то дашь?

– Как напишешь, так и дам. Потом к нотариусу пойдём...

– Эксплуататор ты, дед, – снова перебил его Андреич, – эксплуатируешь самое святое – чувство голода.

– Эхма, городские. Компьютеры, антернеты напридумывали всякие, а куды вы без нашей картохи? Пиши быстрее, долдон, покамест она тёплая.

– Пожалуй, пока напишу, она совсем остынет, – задумчиво произнёс Сева и быстро выхватил картофелину из рук мучителя. Отбежал в угол комнаты и мгновенно сожрал. В руках у него осталась только смятая фольга.

– Вот, городские, – заныл дед, – на ходу подмётки режут.

Фулиганьё. Голодранцы.

– В кругу друзей не щёлкай зубом, – благодушно пророчил заметно одичавший нарколог, – а то туда же – издеваться над голодными людьми. Жук ты навозный, дедушка. Нэпман и классовый враг.

Дед достал из-за пазухи другую картофелину. Эта пахла ещё аппетитнее. «Вот гад», – пронеслось в Севиной голове, – «это он специально творит. Слопаешь одну картошку – аппетит только разыграется, а он, мироед, уже другой манит». Пахомыч громко закашлялся. Сразу в квартиру ввалились два здоровенных молодца лет по тридцать. Давно уже Андреич не видел таких мощных загривков и самоварных щёк.

– Пиши гумагу, – Пахомыч ткнул узловатым пальцем в сторону писчих принадлежностей, – картоху жрал? Жрал. Тяперя пиши.

Два бугая тяжело, исподлобья смотрели на доктора, забившегося в угол. Фольга как назло осталась в руках и служила несомненной уликой. Крылов её немедленно выкинул.

– Чего, сикильдявка, медлишь? Пиши гумагу! – голос деда крепчал и наливался крестьянской мощью. Он подложил портфель под лист и приготовил ручку.

– Мешка картошки жду, – несмело заметил Сева.

– А ты её уже сожрал.

– Вы это что, за одну картофелину хату хотите взять. Лихо.

– Напишешь – вторую получишь, – обнадёжил дед.

– И всё?!

– А ты её сажал? Картошечку-то? Окучивал? Потом поливал? Фраер городской.

– А то нас раньше на картошку не посылали.

– Ты тут про былое не толкуй. Пиши быстрее, а то так отлупим, голодранец беспортошный, что имя своё забудешь.

– А зачем вам бумага? Так занимайте, силой. А то, какие-то бумаги придумали, нотариусов. Самозахват и все дела.

– Ишь ты, больна вумный. А как власть вертается, меня отсудава сапогом под зад? Это только придурки чужие хоромы просто так занимают. Мы, пскопские, с гумагой.

– Ладно, только ручку свою достану, – Сева полез в свой рюкзак, вынул наган, шокер и фуражку с красной звездой товарища Серого. Фуражку водрузил на голову, а наганом принялся размахивать как шашкой.

– Ух, кулачье! Вражьи недобитки с картофельных полей! – зашёлся криком Андреич.

Крестьяне, мгновенно оробев, пугливо сгрудились в центре комнаты.

– Это вы подорвали товарища Серого! Контра! Мироеды и кровососы! Именем революции приговариваю вас...

Запах остывающей картошки вызвал прилив слюноотделения. Андреич вырвал у Пахомыча картофелину и тут же её слупил. Завопил опять:

– Я товарищ Бурый! Сейчас я вас казнить буду! К стенке,

гады. За всю бедноту с вами посчитаюсь. Лицом к стене, за-хребетники.

Троица кулачков уткнулась носами в стену. Андреич примерился шокером и полечил электричеством зарвавшихся деревенских. Пахомыча, конечно, не тронул. Зачем грех на душу брать?

Глава 13

Пахомыч затравленно озирался. Два недобрых молодца валялись на полу и слабо подёргивались.

– Фамилия, имя, отчество? – рубил слова товарищ Бурый.

– Филямонов Стяпан Пахомыч.

– Год рождения?

– 1916.

– Это что же ты, Стяпан Пахомыч, ещё царя застал?

– Да ить я малой был.

– Ну, тогда уж продразвёрстку должен помнить. Картошку реквизирую для нужд трудящихся. Возражения есть?

– Никак нет, товарищ Бурый.

– Правильно. А то бы я тебя пулей убедил. В область за-тылка. Все свои «гумаги» отдашь мне. Будешь заложником, пока твои пособники не подгонят картошку и другой провиант.

– Товарищ Бурый, а, можа, договоримся?

– Насчёт чего?

– Одну квартирку я вам перепишу.

– Одной мало.

– Две перепишу. Вот те крест.

– Наверное, самые зачуханные отдашь? Такие убитые, что и не жалко.

– Самые лучшие отдам. Вот те крест.

– Не божись, кулачок. Комиссары этого не любят. Дурак ты, Пахомыч. Когда это большевики по частям брали? Никогда. Мы, красные командиры, всё отбираем. И лошадь, и подводу, и овощи, и фрукты. Фольгу, Пахомыч, и ту отберём. Кулакам здесь не место.

– Не отдам, – набычился дед, – пужай, не пужай – всё ядино не отдам.

– Что?! – взревел товарищ Бурый, – с Советской властью спорить!? Красному командиру перечить!? Пристрелю как собаку!

– Так ты командир или комиссар, – хитро прищурился раскулаченный дед.

– После того, как кулацкое отродье вроде тебя, взорвало товарища Серого, я занимаю два поста одновременно и приговоры выношу, как семечки лузгаю. А ты, я смотрю, осмелел, Пахомыч. Полюбуйся на своих пособников.

Андреич опять потрянул шокером начинающих приходить в себя крестьянских бычков.

– А третьего шока твоим наймитам не пережить.

– Это правнуки мои.

– Тем более. Спасай их, пока не поздно. У нас, коммунистов, слово с делом никогда не расходится.

Дедушка горько заплакал:

– Опять всё отобрали, голопузые. Зря корячилси, зря надрывалси. Двадцать восемь кварталок. Одна к одной. Ить, думал зажить на старости лет. Деткам задел оставить. Шаро-

мыжники, голь перекатная.

– Выжига ты, дед, и нэпман. Короче, буржуй недорезанный. Не хнычь, у нас коммуняк не сердце, а камень. Пошли, что ли подводу смотреть.

Глава 14

Пахомыч сидел в продавленном кресле, угрюмо подперев кулаком подбородок. В свете лучины он напоминал Роденовского «Мыслителя», лишённого регистрации.

– А-а-а-а-а! – Пахомыч опять схватился за голову и застонал как от нестерпимой зубной боли, – сам же отдал. Двадцать восемь квартирок. Одна к одной. Стервец Крылов забрал все купчие и пожёг в печке. А две подводы с картохой и другими корнеплодами пустил на общак, и три окрестных дома за пять минут всё растащили. Голодранцы, голь перекатная. А Крылов-то, не какой, не комиссар оказался, а пустельга с пугачом.

– А-а-а-а-а! – вновь завыл бывший домовладелец, – бес попутал. Как есть, без порток остался. Главное, всё же было. Сам, своими руками всё отдал.

Запоздалый приступ жадности и злобы на самого себя, простофилю, опять с головой накрыл Пахомыча. Все его двадцать восемь квартирок смыло, точнее, сгорело в буржуйке, и остался он у разбитого корыта. Правда, одну квартиру он уже вернул, остатками самогона накачал Троекурова до положения риз и опять выправил купчую на его жилплощадь. А так и сидеть было бы негде. Не под кустом же мыкаться. Филимоновцы лежали на полу рядком как поросята и храпели так, что с потолка осыпалась последняя штукатурка. Па-

хомыш, тёртый калач прекрасно понимал, что смута не будет вечной. Скоро снабжение Москвы наладится, и тогда за его корнеплоды больше шифоньера не выручишь.

– Вставайте, лежебоки. Поднимайтесь, лодыри, – дедуля принялся расталкивать мордатых внуков и правнуков.

Те неохотно поднимались, почёсывались и что-то обидное бурчали про дедушку. Впрочем, совсем тихо, рука у Пахомыча была тяжёленькая.

– Запрягайте лошадей и рысью в деревню. Возьмите всё, что есть съестного и сюда. Всё под чистую выгребайте и назад. Чтобы ни одной семечки не осталось.

– Деда, ты что? – всполошился самый молодой филимоновец Фролка, – им же самим исть надо.

Пахомыч залепил оплеуху младшенькому, да так, что тот совершил кувырок назад по всем правилам спортивной гимнастики. Больше никто не усомнился в правильности решения главы рода Филимоновых.

Часть вторая

Глава 1

Колдун Ужакин уже в семь утра был на ногах. Дела его шли замечательно, от клиентуры не было отбоя, и он уже подумывал об открытии ещё одного кабинета. Да, судьба сыграла с ним добродушную шутку и вынесла на самую вершину потусторонних сил. А ведь смешно вспомнить, ещё год назад Кузьма Ужакин работал в вагоне-ресторане Москва – Владивосток. Работа была нервная и неблагодарная. Пьяные пассажиры, то лезли с поцелуями, то грозились начистить рыло за хронический недолив. Намаявшись за длительное путешествие через всю матушку Россию, Кузя, вернувшись домой, шёл в баню. Чтобы смыть эту вьедливую, ржавую, железнодорожную пыль нужно было очень постараться. Двадцати шаек с водой и баклажки пива порой не хватало, и Ужакин бежал за добавкой, в смысле за пивом. Опять не хватало, и тогда скуповатый Кузьма брал водку, чтобы не бросать деньги на ветер. Запой длился ровно десять дней. Четыре дня Кузя отходил и опять уезжал в свой любимый Владик. Так и протекала героическая жизнь блюдоноса Ужакина. Не всем суждено идти в ногу с героями и жена Зина позорно дезертировала, прихватив дочку и двухкомнатную квартиру

в Выхино. Кузя воссоединился с мамой. Материнское сердце отходчиво, но когда неизвестные люди, приведённые сыном с Казанского вокзала, умыкнули её любимую вазочку для варенья, терпение мадам Ужакиной лопнуло. Желание сэкономить у них было наследственным, и Кузьму отправили к известному колдуну в состоянии, близком к критическому. То есть звуки-то ему удавались, но со словами как-то не складывалось. Опять же на колдуна денег наскребли, а на выведение из запоя нет. В плотно набитом людьми помещении было очень душно, и Кузя быстро уснул. Его пару раз пытались разбудить, но потом оставили в покое. Пациент скатился на пол и безмятежно забылся пьяным сном без душевных мук и сновидений. Спал он так долго, что отчаявшаяся мадам Ужакина побрела домой, скорбя, о потраченных деньгах и неисправимом сыне. Кузьма же, находясь в засаде, подглядел несколько тщательно скрываемых чудес, но, пребывая в сумеречном состоянии сознания, не придавал этому значения. Ужакин так бы и путешествовал через всю Россию или оказался списан на берег по причине белой горячки, но тут случилась Программа. Страна распрощалась с пьянством, и Кузьма был вынужден составить ей компанию. Дела в вагоне-ресторане пошли весьма кисло, пассажиры перестали лакать спиртное и разбрасываться чаевыми, так что, мешая чай с содой, Ужакин совсем было загрустил. Что-то его томило и тревожило, какая-то то ли мысль, то ли идея. Он никак не мог ухватить кончик ниточки, которая привела бы

его к светлому будущему. Заглянув в одно купе на предмет уламывания симпатичной студентки, он увидел, как она греет пальцы, обхватив стакан чая. Молния сверкнула в мозгу Ужакина. Озарение свалилось как кирпич. Он вспомнил всё. Кузьма вышел на станции Тула из поезда, направляющегося во Владик и обратно к подносу не вернулся уже никогда. До Москвы он добирался на электричках, зная, чем будет заниматься. Прощай вагон-ресторан, прощайте капризные пассажиры и неуступчивые студентки. Скоро вы все услышите о Кузьме Ужакине.

До смуты Ужакин процветал, но и новая реальность давала ему место под солнцем. Колдуны и маги будут всегда. Если зрители хотят битву экстрасенсов – они её получают. Если страждущие «хочут» чудес, за чародеями не заржавеет. Рабочий день Ужакина строился так: сначала он уединялся с одной из своих многочисленных ассистенток. Магу нужно много энергии и где её взять как ни у молодых и красивых? Затем он садился к калориферу и грел руки. Смута внесла некоторые поправки в сложившийся ритуал, теперь он грел руки на буржуйке.

– Мне нужно снять порчу, – настаивала вошедшая тётка, – врачам я не доверяю. Они говорят непонятно, и от них карболкой пахнет. Вот раньше, бывало, Куприяниха зуб заговорит, и он не болит. Или как порчу снимала: раз, и месяц торгующая идёт как по маслу. Я вообще-то рыбой торгую. Так вы кто: доктор или колдун?

– Колдун, – с готовностью подтверждал Ужакин.

– Докажите, – не верила тётка.

– Тебя звать Антониной. У тебя двое детей. Твой мужик пьёт по– чёрному. Злая соседка навела на тебя порчу. Если сглаз не снять, будешь хиреть, хиреть и через неделю ноги протянешь, – нахмутив брови, гундосил Кузя замогильным голосом.

– Всё правда, – ахала тётка.

– Я ви-и-и-ижу, я всё ви-и-ижу, – голосом Вия заходилась Ужакин.

– Так, что же мы медлим? – упавшим голосом тараторила побледневшая тётка, – снимай скорее, батюшка, порчу.

Откуда ей было знать, что половину так называемой очереди составляли ассистентки Ужакина, выводывающие всю подноготную у соседок и предающие верховному чародею нужную информацию.

– Ох, девонька, – гнусил Кузьма, – удача, она как палка о двух концах. Одним концом гладит, другим в гроб загоняет. Ох, вижу крепенький сглаз. Ох, непросто снять его будет. Старались злые соседushки, воду мутили, Бога гневили, саван те ткали, добром попрекали. Ох, горюшко моё. Счастье твоё, что я тебе повстречался. Кто послабже бы попался, точно не сдюжил. Ох, маета, какой чижёлый сглаз.

– Спасай, батюшка. Мочи нет, такие муки терпеть.

– Не кручинься, девонька. Как есть, твой сглаз сниму и на ноги поставлю. Быдто заново народис-ся.

– Уж помоги, батюшка, ничего за ради такого дела не жалко.

– Снимай шубу, девонька. На улице в одном платьишке постой пять минут, – курлыкал официант-расстрига, – да хорошенько так озябни. А я буду энергию из космоса качать, да от земли силу брать, чтобы с порчей совладать.

Прожжённая торговка безропотно скидывала шубу и выскакивала на улицу стоять на ледяном ветру в тонком платьице, а матёрый колдунище Ужакин усиленно грел руки над печкой. Через пять озябшая тётка бронебойным снарядам влетала в кабинет и замирала в предчувствии новых чудес.

– На кровать ложись, егоза, лицом вниз! – орал как припадошный Кузьма, – лицом в подушку. Да смотри, голову не поднимай. А я буду злые чары изничтожать.

Тётушка утыкалась холодным носом в подушку и замирала.

«Хорошо, что я честный человек», – тепло думал о себе Ужакин, – «а другой бы на моём месте ещё неизвестно как поступил». Он подходил к распластанной женщине, протягивал к её замёрзшей спине огненные, нагретые на печи ладони и протяжно выл:

– Чуешь тепло от моих рук?
– Чую, – глухо в подушку отвечала тётка.
– Чуешь идущую от меня силу?
– Чую, – еле слышно ныла жертва Ужакинского шаманизма.

– Чуешь, как я вытягиваю из тебя порчу и, рискуя захворать сам, принимаю удар на себя?

– Чую, – виновато шуршала тётка из подушки.

– Я снимаю с тебя порчу. Я убираю с тебя сглаз. Я лишаю тебя венца безбрачия, – расходился Кузьма.

Замужняя женщина взволнованно ворочалась.

– Жена за пьющим мужем ничем не отличается от старой девы, – поправлялся на ходу Ужакин, – ты чуешь, как стынут мои руки? Какой теперь от них исходит холод?

– Чую, – придушенно отзывалась женщина.

– Встань и иди, – напутствовал её Ужакин.

– Куда? – не понимала бедняжка.

– В кассу, – указывал ей путь, просветлённый Кузьма, – а у меня почти не осталось сил после такой адской работы. Нужно восстановить силы. Пойду, похаваю чего-нибудь.

– Конечно, конечно, – избавленная от сглаза, выбегала в слезах благодарности и спешила одарить кассу своими кровными продуктами.

А Кузьма, как спаситель вселенной не спеша, отправлялся следом. Уминая котлеты из настоящего мяса и рисовую кашу, запивая, настоящим индийским чаем, он сетовал на нелёгкую долю потомственного колдуна, вынужденного бороться со злом всего мира. Тётеньке ловко намекали, что нужно использовать такого мощного шамана по полной программе и посылали за мужем. Супруг чаще всего оказывался задохликом с трёхдневной щетиной и наглым до невозмож-

ности.

– Да пошла ты! – вопил он, подталкиваемый в спину женой, – сама лечись. Сказал, не буду. И так полгода в завязке был после этой чёртовой Программы.

Кузя не настаивал, для этого дела служили ассистентки. После лёгкого нажима со стороны резвых девушек, избавленная от порчи женщина преграждала магу дорогу.

– Вылечи его, батюшка, – была она, – вылечи окаянного. Хочешь, в ножки упаду.

– Не надо, – отказывался от таких крайностей Кузя.

Но тётка всё-таки бухалась на колени и хватала Ужакина за брюки.

– Хорошо, – соглашался кудесник, – только выдь отседова, не мешай таинству.

Тётя с криками радости принималась рассказывать мужу о тепле и даже жаре, исходящем из волшебных ладоней потомственного колдуна. Мужик только скалился и принимался подначивать Кузьму.

– Колдун, говоришь? В тринадцатом поколении? Да ещё в конце восьмидесятых все колдуны лес валили за 101 километром. Только назовись шаманом, тебя сразу в обезьянник, а потом по этапу, медведям порчу снимать.

– Закрой глаза, охальник! – конкретно наезжал Кузьма.

– С какого перепугу, – начинал выступать мужик.

– Силы земные и небесные! Силы надводные и подводные! Излейтеесь в мои длани. Ибо сила, дарованная мне...

Тут включалась мощная лампа, работающая на аккумуляторах и бьющая пациенту прямо в зрачки, тот непроизвольно закрывал глаза. Кузя доставал из рукава припасённую деревянную линейку, оттягивал её что, было силы, и закатывал хлёсткий щелбан по лбу вредному мужику. Голова пациента моталась назад, а Кузьма прятал линейку назад в рукав. Яркий свет гас, и мужик заставал такую картину: на расстоянии полуметра стоял Кузя с растопыренными пальцами как Доцент в фильме «Джентльмены удачи», а лоб горел как после ожога. Ужакин подводил пациента к зеркалу и показывал след «астрального удара».

– Ты закодирован, – устало произносил Кузьма, – встань и иди. А лучше домой едь.

– Как это ты так? – не мог прийти в себя ошарашенный мужик.

– Иди в кассу, – ещё более уставшим голосом напутствовал Кузя, – устал я. Думаешь легко астралом-то владеть?

Глава 2

Работа колдуна была приятной и полезной. Процесс лечения занимал не больше минуты, а гонорары сыпались приличные. Правда, один раз случилась загвоздка. Лампа включилась и тут же перегорела. А Ужакин, оттянувший линейку, не мог уже ничего поделать. Пациент прямо назло, здоровущий как кабан с раскрытым от удивления ртом, наблюдал чародея, метящего в него линейкой. После щелбана, полученного от колдуна в тринадцатом поколении, озверевший больной навешал магу таких люлей, что две недели Кузя ходил по стенке. Нужно было что-то совершенствовать в методике и развиваться дальше. Опять что-то томило Ужакина. Опять какая-то мысль не давала покоя. Вроде всё было, но всё равно чего-то не хватало. И когда Кузьма увидел Крылова, уныло бредущего Измайловским парком, всё встало на свои места.

– Господин Крылов! – на всю опушку закричал Ужакин, – можно автограф?

– Давайте, – вяло согласился голодный Крылов.

– Чего? – не понял Кузя.

– Автограф, – терпеливо разъяснил Сева.

– Так это вы мне должны автограф, – радостно запричитал Ужакин, – я буду так вам благодарен.

– Когда ищешь человеческую благодарность, главное

сильно не нагибаться. Слышали такую поговорку?

Ужакин, сбитый толку, но горящий желанием продолжить знакомство, на всякий случай рассмеялся. Возникла пауза.

– А не пообедать ли нам? – робко возобновил разговор Кузьма, – я угощаю.

– Вот это совсем другое дело, – оживился Сева, – а то автограф, автограф. Лучший автограф – это прејскурант. А вы что же поборник трезвости? Ваше имя, добрый кормилец?

– Кузьма Ужакин.

– Хорошее имя. В нём практически полностью отсутствуют шипящие и свистящие звуки. С таким именем хорошо ползти по-пластунски среди бескрайних снегов, защищая рубежи нашей Родины от нарушителей государственной границы.

– Я не хочу среди снегов, – заартачился Ужакин.

– Конечно, – вздохнул Крылов, – все хотят ползти по пляжу, от пальмы к пальме, наблюдая за стройными девушками в бикини.

– Я, собственно, насчёт сотрудничества, – несмело начал Ужакин.

– В какой области? – осведомился Крылов, – если в качестве компаньона по обедам за ваш счёт – я «за». Всё время хочется, есть, даже как-то неприятно. Отвлекает от мыслей о вечном.

– Я, знаете ли, колдун, – начал Ужакин.

– Ну вот, – расстроился Крылов, – так всегда. Только по-

кажут сыр, а он родом из мышеловки. Извините, но обедать вам придётся одному. Обед от вас я принять не могу, только ужин.

– ?

– Завтрак съешь сам, обед подели с другом, а ужин отдай врагу. Каждый слышал эту дурацкую пословицу, но в данном случае она как никогда к месту. Врачи и колдуны – извечные враги, воины света и тьмы, усталые конкуренты, выясняющие отношения на протяжении веков.

– И почему нас врачи так не любят? – горько вздохнул Ужакин.

– Завидуют, – отрезал Крылов, – они-то, дураки, по шесть – семь лет учатся, а некоторые и по девять; а вы хоп и сразу в дамки.

– А если у меня дар... – начал Кузя.

– Не надо, – строго предупредил Сева, – не надо лжи под сенью этих старых деревьев. Все чудеса укладываются в сомнамбулизм и не более. Вы используете гипнотическое состояние, чародей Ужакин?

– Нет, – стал отчитываться экстрасенс, – исключительно энергию, исходящую из пальцев. Больные чувствуют ужасный жар от моих рук...

– А-а-а-а, руки на батарее греете. Видел, перевидел я вашего брата.

– Почему на батарее? – осёкся Кузьма, – ещё я использую астральный удар.

– Линейкой по лбу что ли? – захихикал Крылов.

– Э-э-э-э-э, – расколотый по всем статьям, Ужакин смешался.

– В конце восьмидесятых годов в нашу больницу нахлынул вал начинающих колдунов и колдуний. Такие чудики, я вам доложу. Вот я там насмотрелся – на век хватит. Куда там театру теней и цирку Дурова. Ещё я видел, как лечат холодом: кидают ледышку за шиворот, и пока больной там корчится, ставят перед фактом, что он закодирован. А фокусы со световой лампой и часами, а с горбушкой и аккумулятором? Это песня без слов, экстрасенс Кузя.

– Но к нам же валом идут пациенты, – стал защищать честь волшебного мундира Кузьма, – у нас хорошие доходы.

– Чтобы мало зарабатывать – нужно много учиться – пожал плечами Сева.

– У нас достоверные результаты, – загорячился Ужакин, – тысячи вылеченных от разных болезней людей.

– Хороший термин «разные болезни», когда не знаешь их названий. Колдун Ужакин, а где находится печень?

– Слева, – уверенно выдал экстрасенс.

– А сердце?

– Тоже слева, – стоял на своём маг и чародей.

– И как же они там помещаются?

– Нормально помещаются.

– Колдун Ужакин, простите за нескромный вопрос, а вам никогда не давали в глаз благодарные пациенты?

Ужакин замялся.

— Ну что же, подбитый глаз уменьшает обзор, но увеличивает жизненный опыт, — наставительно заметил доктор Крылов.

— Но мы же можем объединиться, — призвал к братанию Кузьма, — совместить наши усилия в борьбе с разными болезнями.

— Вы предлагаете лечить линейкой по очереди? Слуга почкорный, — заупрямился Крылов, — я недостойн, перенимать такой передовой опыт. Я не справлюсь и запутаюсь, за какой конец линейку держать, а какой оттягивать.

— Но у меня есть другие наработки.

— Греть руки на печке? Мощные наработки. А что вы будете делать в жаркий день? Сажать больного в холодильник?

— Для этого есть кондиционер, — возразил чародей, не чуждый плодов технического прогресса, — у меня, конечно, есть ошибки, но я хочу учиться.

— Это на своих ошибках учатся. На чужих исключительно наживаются, — возразил Сева, — видимо, я опять останусь голодным.

С этими словами медицина покинула колдовство, и Андреич поплёлся дальше. Ужакин, злой и недовольный состоявшимся разговором, вернувшись, учинил разнос своим ассистенткам и только начал выбирать жертву среди них для плотских утех, когда в дверь решительно постучали.

Глава 3

Знатный уфолог Толик Обалдуев мог гордиться собой. Наконец-то он нашёл себя. Бесконечная смена низкооплачиваемых профессий закончилась. Ему уже не надо было вставать ни свет, ни заря и шлёпать не отдохнувшими за ночь ногами на стройку. Не надо было ворочать неподъёмные поддоны с хлебом в пекарне и мёрзнуть в качестве продавца на вещевых рынках. Теперь Толик заделался «главным по тарелочкам» и с жаром рассказывал о всеразличных НЛО. Молоть языком было несравненно легче, чем гнуть натруженную спину, занимаясь общественно полезным трудом, да и денег выходило на круг гораздо больше. Но особенно нравилось Обалдуеву, у которого была скверная память, что не требовалось вспоминать, о чём он трепался вчера. Можно было на ходу импровизировать и придумывать зубодробительные подробности. То, что раньше составляло существенный минус и не позволило Толику подняться выше второго курса машиностроительного техникума, теперь служило основным его достоинством. В узких кругах, близких к инопланетянам, особенно ценился дар Обалдуева ни разу не повторяться. Каждое новое повествование о встрече с НЛО выглядело свежим и изобиловало умопомрачительными деталями. Допустим, в среду перед замёрзшими зрителями непредсказуемый Толян рассказывал о синих чело-

вечках с тремя оранжевыми глазами, выделяющими потоки тепла как калорифер. А уже в четверг на собрании уфологов он посвящал избранных в секреты своей встречи с красными жуками, имеющими на концах щупалец сетчатые глаза. О чём Обалдуев расскажет в пятницу не знал никто, включая самого Толика, поэтому люди тянулись к нему как подсолнухи к солнцу. Тем более что после каждой встречи с инопланетным разумом хозяйственный Анатолий уходил не с пустыми руками. Не-е-е-ет. В каждом потном кулачке Толика трепыхалась новая тайна вселенной. То схема вечного двигателя, то план извлечения колоссальной энергии из обычного воздуха, а то и пособие по размножению почкованием. Обалдуев утверждал и небезосновательно, что при виде его инопланетяне проникались к человечеству почтением и признью. Обаятельный Толян так располагал к себе жёлтых гусениц и розовых медуз, что они охотно делились с человеческим гуманоидом тайнами, отвоёванными у вселенной. В отличие от недалёкого мизантропа Удушьева, которому попадались сплошь агрессивные и драчливые существа внеземных цивилизаций, Толику встречались исключительно мягкие и пушистые инопланетяне, а главное, щедрые. Им ничего не стоило одним левым щупальцем решить сельскохозяйственные и жилищные проблемы землян. Например, к 2051 году все пашни и нивы будут засеяны особым злаком, который плодоносит даже под снегом и льдом и даёт урожай десять раз в год. Или стоимость возведения многоквартирно-

го дома упадёт в пятьсот раз. Слушатели делили на пятьсот стоимость квадратного метра столичного жилья и слушали Толика с удвоенным интересом. С наступлением смуты дела Обалдуева, как ни странно, пошли ещё лучше. Он значительно расширил кругозор и сферу деятельности, то есть к званию уфолога приплюсовал высокое звание прорицателя. Теперь Толян вместе с коричневыми пауками перемещался в далёкий 2051 год. А на основе данных полученных в будущем можно было легко менять настоящее. Причём, по мнению академика внеземных цивилизаций, а быстро прогрессирующий Обалдуев был уже академиком, зная будущее, настоящее нужно и должно было менять. Вопрос, как и зачем менять перед Толиком не стоял, вопрос ставился более конкретно: сколько может заплатить данный человек за добытую информацию. Допустим, некий мелкий чиновник приходил к Обалдуеву за советом, что ему нужно делать в настоящем, чтобы не прогореть в будущем. Толик согласно кивал головой и отбывал в 2051 год. Там он всё разнюхивал насчёт этого начальника и возвращался обратно. Глядя на хмурое лицо Обалдуева, у чиновника подкашивались ноги и перед глазами заводились подозрительные белые червяки. Толян цыкал зубом и выдерживал значительную паузу, готовя клиента к неизбежному. Потом, тяжело вздохнув, рассказывал горькую правду. Такой-то, такой-то, такого-то года рождения, в 2027 году находится в колонии строго режима за получение крупной взятки. Срок заключения продлится

пятнадцать лет, но уже в 2025 году заключённый так плох, что о полной отсидке не может быть и речи. На негромкий вопрос: «а что же мне делать»? слышный даже на другой стороне улицы, Обалдуев решительно советовал: с работы уйти, с женой развестись, а от денег срочно избавиться. Вопрос с работой и женой клиенту приходилось утрясать самому, а самый неприятный и щекотливый момент с избавлением от денег, Толян, кляня себя за свою доброту, брался лично. Радостный клиент, светясь от счастья, избавлялся от компрометирующих его денежных средств и ехал учительствовать в глухую деревню, благодарный Толику по гроб жизни за дарованную свободу. Ещё бы, теперь он умрёт не в Магаданской тюрьме, а тихо доживёт в деревне Большие Шишаки, наслаждаясь свежим воздухом и собственным огородом. Слава Обалдуева росла и ширилась, он избавил от реальной угрозы сесть в тюрьму уже добрую сотню чиновников средней руки. Следующими на очереди были крупные начальники и политики. Кому как не им позарез нужно было знать будущее. К чему, допустим, эти дурацкие праймериз и избирательные компании, когда можно запустить мобильного Толяна в 2051 год и на основе его разведанных выстраивать дальнейшую линию партии или бизнеса. Обалдуев лениво ковырялся в носу, подсчитывая другой рукой на калькуляторе возросшие барыши, когда в дверь неожиданно постучали.

Глава 4

Уфолог Афанасий Удушьев в детстве подавал большие надежды. По физкультуре и пению ему сыпались сплошные пятёрки. Но, войдя в отрочество, Афоня отрастил себе большую задницу, пошёл прыщами и у него обнаружился на редкость противный голос. Учитель по физкультуре уже не ставил в его в пример как прежде и не предлагал на зависть всем вскарабкаться по канату. Теперь у него были другие любимчики, а грузного Афоню он на пушечный выстрел не подпускал к канату, справедливо опасаясь, что жиртрест оборвёт казенное имущество. Учительница пения, мало того, что переместила ученика Удушьева из первого ряда школьного хора в последний, так вообще запретила ему петь, строго настрого приказав лишь открывать рот. Афоня затаил зло на весь белый свет и окунулся в чёрную магию. Скоро он приобрёл известность в кругах шаманов и ирридодиагностов. Это было время, когда по радужке глаза определяли многочисленные болезни, а потом заклинаниями и волшебными снадобьями их упорно лечили. Даже среди мрачноватых, не склонных к веселью ирридодиагностов Удушьев отличался трагизмом диагнозов. Все болезни, которые он выявлял, были смертельны и лечению не поддавались. Клиентура оставила Удушьева в покое. Кому интересно за собственные деньги выслушивать по себе панихиды? Афоня конкретно недо-

едал и сам себе штопал носки на электрической лампочке. Его диагнозы и так не отличающиеся долголетием, стали чудовищны. Добрый Удушьев оставлял на раздумье не больше суток, далее следовала мучительная, но скоротечная смерть. Коллеги по цеху неоднократно советовали Афоне смирить гордыню и ставить более жизнеутверждающие диагнозы, но Удушьев упёрся. Он не мог пойти против собственной совести и отпустить больному лишние сутки. Двадцать четыре часа – вот максимальное время, которое он выделял своим подопечным. Когда его крестники, прожив неделю и не обнаружив у себя ни малейших признаков агонии, собрались вместе, единственным их желанием стало отловить Афона и хорошенько отмудохать. Что они и сделали, повстречав Удушьева в тёмном переулке. Напрасно Афанасий кричал своим мерзким голосом: «Вас нет! Вы давно уже трупы! Вы покойники». Напрасно неумело крестился и отплёвывался от умерших духов. Те накостыляли ему так, что Афоня попал в скорпомощную больницу и решил навсегда завязать со смертельно опасной должностью ирридодиагноста. Так он стал уфологом. Но уфолог уфологу рознь. Удушьеву попадались исключительно brutальные летающие тарелки. Они не могли просто парить в небе и заниматься своими посудомоечными делами. Не-е-е-ет. Они целили исключительно в Афона. Заходя на бреющем полёте, они поливали несчастного землянина кинжальным огнём из бластеров и пытались раскроить на части из лазеров, травили его неведомыми га-

зами и посылали голоса внутрь головы. Афоня укрылся в психиатрической лечебнице. Враги Удушьева, типа Обалдуева, утверждали, что на самом деле его забрала психоперевозка. Но Афоня стоял на своём: он сам спрятался в больнице и месяцами жил в кабинете главврача, по братски деля с ним домашние обеды и старшую медсестру. Уфологи, спасая честь мундира, срочно объявили Удушьева сумасшедшим и исключили его из своих рядов. Преданный и оклеветанный Афоня подался составлять гороскопы. Не те дешёвые и приторные гороскопы, которыми нас завалили по средствам массовой информации, а настоящие, пропитанные кровью, потом и слезами. Девы в Удушьевских гороскопах подвергались изнасилованиям, обрекались на венец безбрачия или заточались в монастырь. Ну, с Раком понятно... В общем, составители гороскопов подняли все свои связи и перекрыли выход Удушьева к народу. Теперь Афоня мог каркать сколько угодно, кроме ворон его всё равно никто не слышал. Удушьев вернулся в уфологи. Тут как раз началась смута, и Афанасий пришёлся как нельзя кстати. Чёрный занавес, опустившийся на страну, сгустил краски, и мрачные предсказания Удушьева приобрели более выгодную окраску. Афанасий теперь мог потрясать узловатым пальцем и гнусить: «я вам говорил, я вас предупреждал». Окружающие виновато опускали голову, признавая провидческий талант Удушьева. Его срочно избрали в секретариат уфологов и провидцев, и по служебной лестнице он продвинулся дальше Обалдуева.

Афоня уже подумывал о смене зубных протезов, уж больно плохо пахло у него изо рта, когда в дверь громко постучали.

Глава 5

Андреич брёл по Измайловскому парку голодный и несчастный. Он всерьёз подумывал о берёзовой коре в качестве ужина при свечах. Шутка, откуда при смуте взяться свечам. Кипяток, берёзовая кора и лучина – вот и всё, что мог себе позволить доктор Крылов. Когда два здоровяка выросли как из-под земли, Сева даже не удивился.

– Пойдёшь с нами, – приказал один из них, показывая удостоверение подозрительно красного цвета.

– Могу не дойти, – честно признался Андреич.

– Почему это? – второй верзила взял доктора за плечо, развернул и заглянул в глаза.

– Упаду, – уточнил Крылов, – я четыре дня ничего не ел.

– Тебе же Ужакин предлагал подхарчиться, – выказал неплохую осведомлённость первый крепыш, – что же ты сплеховал?

– Один раз отрезал, семь раз пожалел, – пожал плечами Сева.

– Пойдём. Там, куда мы идём, еда не переводится. Полковник Пуков, помнишь такого, тебя лично накормит, с ложечки.

Крылов с покорностью голодающего поплёлся следом за качками.

Четыре человека сидели за одним столом. Это напомина-

ло битву экстрасенсов, если бы одного из них не тошнило от самого слова «экстрасенс». Кузьма Ужакин, Толик Обалдуев, Афоня Удушьев и Сева Крылов, искоса поглядывая друг на друга, гадали, зачем же они здесь собрались. Всех их схватили крепкие ребята и насильно доставили сюда. Первым не выдержал Крылов, скорчив рожу и закатив глаза, он прогнул савил:

– У меня мало времени, если я не буду подкачивать своей энергией созвездие Альфа Центавра, оно в ближайшие два часа превратится в чёрную дыру.

Шутка повисла в воздухе как флаг в безветренную погоду. Через минуту Кузя, нервно поглаживая свою объёмистую лысину, протывкал:

– А что я такого сделал? Я токмо людям помогал. У меня книга с записями есть. Там токмо одни благодарности.

Толян с Афоней, сообразив какого, сваяли дурака, что своевременно не завели подобной книги, поникли головами. Толик поёрзал, поёрзал и предложил сгонять в 2051 год, разведать, что с ними будет и как избежать неприятностей. Севу сразу стало трясти от смеха, а два представителя неземной ориентации посмотрели на Обалдуева так, как в благородном собрании смотрят на пукнувшего поручика.

– А чего? – не понял Толян.

– Тут все свои, – веско заметил Кузя, – а среди своих не надо.

– Чего не надо? – не сразу сдался Толик.

– Ничего не надо, – закрыл тему Кузьма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.